

84(9)
С23

Евгению Петровичу
Тепляеву

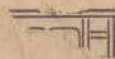
в посылку о П. К. Бажутице

ТЕТРАДЬ
СБОРНИК
для _____
учени _____ класса
_____ школы
Русской и иностранной
литературы

1913 год.

311
85

840
с23

СБОРНИКЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Двѣнедѣльный журналъ

Четвертый годъ изданія.

№ 13. — 1913 г.

Подписная цѣна съ перес. за годъ 2 рубля.

съ иллюстрированнымъ журналомъ „РОДИНА“ съ пересылкой
одъ—8 руб., за 6 мѣсяцевъ—4 руб., за 3 мѣсяца—2 руб.
съ журналами „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“, „СМѢХЪ и САТИРА“ и
„ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА“: за годъ—5 руб., за 6 мѣсяцевъ—
2 руб. 60 к., за 3 мѣсяца—1 руб. 35 коп.

29 6466 19

Изданіе А. А. Каспари.

Муниципальные библиотеки
Очерского района

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство А. А. Каспари, Лиговская улица, собст. домъ, № 114.

118
857

Типографія А. А. Каспари.

С.-Петербургъ. Лиговская улица, собств. доѣ, № 114.

Завѣдѣе

ПОЖАРЪ СОСВАТАЛЪ.

(Изъ разсказовъ прабабушки о старинѣ.) В. Суворовой.

I.

Кажется, со временъ Пугачева не веселились въ Симбирскѣ такъ, какъ въ 1864 году. Окрестное дворянство безопасно проживало свои выкупныя свидѣтельства, безпрестанно наѣзжая изъ имѣній въ городъ, гдѣ почти у всѣхъ имѣлись собственные дома, давало пиры и балы, да и въ усадьбахъ какъ-то особенно шумно шла прежняя широкая жизнь.

Общему оживленію еще немало способствовало то обстоятельство, что въ городъ недавно была привезена большая партія поляковъ, сосланныхъ сюда послѣ усмиренія мятежа 1863 г. Правда, сначала мѣстное общество косилось на нихъ довольно-таки недружелюбно, потому что благодаря имъ многіе потеряли въ стычкахъ съ повстанцами близкихъ друзей, а кое-кто и родственниковъ; да и сами гордые паны держали себя весьма неприступно, знали только другъ съ другомъ, вообще кипѣли еще не остывшимъ гнѣвомъ. Но въ концѣ концовъ эти взаимно настороженные отношенія смягчились.

Русское добродушіе недолго помнило обиду, собственный, горячій и глубокій въ то время патріотизмъ невольно заставлялъ многое прощать полякамъ, главное же—они были побѣжденные, изгнанники, а вѣдь не въ русскомъ обычаѣ бить лежачаго. Кромѣ того наши дамы и барышни не на шутку были заинтересованы этими холодными, суровыми панами, окруженными въ ихъ глазахъ такимъ романтическимъ ореоломъ мучениковъ за родину. Польская же молодежь въ свою очередь, какъ ни крѣпилась, не могла оставаться равнодушной къ очаровательному цвѣтнику нашихъ барышень, въ которомъ въ томъ году блистало нѣсколько буквально ослѣпительныхъ красавицъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, это взаимное тяготѣніе мало-по-малу привело къ тому, что ссыльные, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ, самыхъ непримиримыхъ вожаковъ, начали все чаще и чаще бывать въ русскихъ домахъ, лихо отплясывали

мазурку, а нерѣдко и по недѣлямъ гашивали въ гостепримныхъ окрестныхъ усадьбахъ. А съ наступленіемъ весны, когда въ цвѣтушихъ садахъ, совсѣмъ серебряныхъ отъ луннаго свѣта, начали заливаться соловьи и по раздолью синей Волги цѣлыми стаями заскользили юркія лодочки, между недавними врагами завязалось и немало болѣе или менѣе счастливыхъ романовъ.

Однако взаимное удовлетвореніе было неполно изъ-за одного изъ тѣхъ непримиримыхъ ссыльныхъ, о которыхъ уже упомянуто. Это былъ графъ Мечиславъ Людоговскій, молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, очень красивый, изящный, съ выразительнымъ, породистымъ лицомъ и строгими сѣрыми глазами. Казалось, ему болѣе, чѣмъ кому либо, слѣдовало бы отогнать всѣ мрачныя думы и отдаться удовольствіямъ, свойственнымъ молодости, а между тѣмъ онъ упорно держался въ сторонѣ отъ „пшкелентыхъ москалей“, каждый разъ осыпая язвительными упреками, чуть ли даже не проклятіями, тѣхъ изъ своихъ сородичей, которые принимали приглашеніе на какой нибудь спектакль, пикникъ и т. п. Наконецъ свои же стали избѣгать его—настолько портилъ онъ имъ настроеніе, и онъ сохранилъ постоянныя сношенія лишь со своими единомышленниками, людьми по большей части пожилыми и неинтересными, такъ что объ ихъ отсутствіи мѣстное общество и не сожалѣло, тогда какъ отчужденность молодого и привлекательнаго графа положительно возмущала всѣ женскія сердца.

— Вы не должны сердиться на пана Мечислава,—оправдывали его товарищи, предъ дамами:—онъ—пламенный патріотъ; онъ все свое огромное состояніе отдалъ на наше дѣло и теперь всего лишился. Глубокая рана его сердца врядъ ли когда заживетъ.

— Тѣмъ болѣе ему слѣдовало бы постараться развлечься, оторваться отъ тяжелыхъ воспоминаній,—возражали дамы.

— Нѣтъ, я вполне понимаю его!—неожиданно объявила разъ Тania Малахова, молоденькая барышня, одна изъ первыхъ красавицъ Симбирска.—Да, понимаю! Если бы я была на его мѣстѣ, то тоже никогда не могла бы утѣшиться: вѣдь всѣ его надежды разбиты, всѣ завѣтныя мечты погибли, вся жизнь изломана... развѣ съ этимъ можно примириться?

— Ого, какъ вы горячо защищаете графа!—полушутя, полуреиниво замѣтилъ ей молоденькій повстанецъ Маевскій, усердно, но тщетно ухаживавшій за нею съ перваго дня ихъ знакомства.—Если бы онъ зналъ, что у него есть такая заступница, то вѣроятно легко примирился бы со многими.

— Сомнѣваюсь: это было бы недостойно его!—пылко возразила Тania, чѣмъ окончательно разобидѣла юнаго пана, почував-

шаго въ ея словахъ колкій намекъ, котораго на самомъ дѣлѣ вовсе не было.

Дѣйствительно Маевскій уже давно примирился не только со многими, но даже со всѣми, и втайнѣ успѣлъ исписать цѣлую тетрадь пламенными стихами, основнымъ мотивомъ которыхъ было то, что пустъ и „Польска згине“, и вообще разсыплется весь міръ, лишь бы на его развалинахъ никто не мѣшалъ ему глядѣть въ дивныя синія очи панны Татьяны.

Однако врядъ ли кто рѣшился бы карать юношу за его малодушіе—настолько хороша и обаятельна была Таня. Ея теплыя локоны, точеное, матово-блѣдное личико, воздушная, граціозная фигурка, особенно же чарующая улыбка кружили даже многія сѣдые и лысыя головы, и не одно утомленное жизнью сердце при видѣ этой прелестной дѣвушки начинало бурно бить тревогу. Таня была къ тому же умна, талантлива и прекрасно воспитана, чего къ сожалѣнію нельзя было сказать о многихъ изъ ея подругъ.

Родители Тани были мѣстные помѣщики, люди довольно богатые, очень свѣтскіе, и такъ какъ ихъ имѣніе находилось всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, въ которомъ они тоже имѣли вполне благоустроенный домъ, то ихъ чаще можно было видѣть въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Они много принимали, были очень любезны и хлѣбосольны, однако ихъ недолюбливали, хотя ни про мужа, ни про жену нельзя было сказать рѣшительно ничего дурного. Но въ Малаховыхъ какъ-то слишкомъ явно сказывался чуждый окружающимъ духъ не своего брата, русскаго дворянина, часто безпрядочнаго, пожалуй даже распущеннаго, но зато простого, отзывчиваго, съ широкой, какъ приволжскія степи, натурой,—а чопорнаго, сухого, самодовольно-корректнаго европейца, со снисходительнымъ презрѣніемъ глядящаго сверху внизъ на русскихъ „распустехъ“.

Долгая ли жизнь за границей, или что другое было тому причиной, но только эта черта отталкивала многихъ отъ Малаховыхъ, и имъ по всей вѣроятности, несмотря на всѣ старанія, не удалось бы составить себѣ значительный кружокъ знакомыхъ, если бы въ ихъ домѣ не было такого всеильнаго магнита, какъ Таня, ничуть не похожая на своихъ родителей и такъ же, какъ ея знаменитая пушкинская тезка, вполне „русская душою, сама не зная почему“. Ея красота, чудное пѣніе, неподдѣльная пріятельность и всегдашняя готовность участвовать въ любой забавной затѣѣ привлекали къ ней не только мужчинъ, но и женщинъ, у которыхъ какъ-то не хватало духа завидовать ей, и у Малаховыхъ постоянно толпились гости.

Разумѣется, претендентовъ на руку молодой дѣвушки находилось немало, но она всѣмъ имъ совершенно чистосердечно говорила, что ей пока еще никто не нравится и потому она вовсе не думаетъ о замужествѣ. Этотъ спокойный отвѣтъ, ни для кого въ отдѣльности не обидный, позволялъ ей поклонникамъ попрежнему часто бывать въ домѣ Малаховыхъ и каждому втайнѣ питать надежду, что, можетъ быть, впоследствии именно онъ и поправится ей.

Родители одобрительно относились къ отказамъ Тани, чтобы не стѣснять ея свободы, какъ думала она, но въ дѣйствительности просто потому, что всѣхъ мѣстныхъ дворянъ они считали слишкомъ мизерными партіями для такой дѣвушки, какъ ихъ дочь, и, собираясь провести слѣдующую зиму въ Петербургѣ, рассчитывали выдать тамъ ее замужъ за одного изъ самыхъ блестящихъ столичныхъ жениховъ. Но такъ какъ эти планы не были извѣстны ни ихъ знакомымъ, ни самой Танѣ, то ничто и не нарушало безпечнаго веселья молодежи.

Тѣмъ болѣе были всѣ удивлены, когда однажды, уже около середины августа, всѣмъ явившимся къ Малаховымъ прислуга, какъ-то заминаясь, изо дня въ день начала заявлять, что господа очень заняты, барышня нездорова, вообще они очень извиняются, но принять никого не могутъ.

Посѣтители отъѣзжали въ большомъ недоумѣніи и разочарованіи. Ближайшія подруги Тани пытались проникнуть къ ней въ мезонинъ, спрашивали, что у нея болитъ, писали письма, молодые люди слали букеты, но никто ничего не могъ добиться. Лакеи и горничныя сбивчиво поясняли, что господа озабочены сборами въ Петербургъ, а „у барышни все болитъ головка и онѣ писать не могутъ“.

Все это было чрезвычайно странно и даже какъ-то подозрительно. Въ обществѣ, съ легкой руки двухъ-трехъ присяжныхъ злоязычницъ, начали возникать самыя фантастичныя догадки относительно бѣды, несомнѣнно случившейся въ семьѣ Малаховыхъ. Кто говорилъ, что ихъ старшій сынъ, служащій въ гвардіи, съ позоромъ выгнанъ изъ полка за какую-то невѣроятную скандальную продѣлку; кто чуть не клятвою увѣрялъ, что напротивъ Таня сбѣжала съ тѣмъ бравымъ гусарскимъ ротмистромъ, который пріѣзжалъ въ Симбирскъ за ремонтомъ и выѣхалъ обратно именно въ тотъ день, когда двери малаховскаго дома оказались впервые предъ всѣми закрытыми. Однако всѣ единодушно сходились на томъ заключеніи, что такъ имъ и надо, этимъ чванливымъ, самовлюбленнымъ людямъ, воображающимъ, что лучше ихъ никого на свѣтѣ нѣтъ.

Однако всѣ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ

случаяхъ, были одинаково далеки отъ истины. Мы же, чтобы лучше уяснить себѣ происшедшее, должны нѣсколько вернуться назадъ.

II.

Въ одинъ изъ жаркихъ июльскихъ дней Таня, обожавшая солнце и зной, довольно далеко зашла отъ усадьбы, гдѣ въ эти дни жили Малаховы, по дорогѣ въ городъ. Пройдя небольшой лѣсокъ, она вышла въ луга, съ полчаса задумчиво шла между копенъ недавно скошеннаго сѣна и не замѣтила, какъ догнавшая ее черная туча надвинулась на солнце. Она очнулась лишь тогда, когда внезапно наступившій полумракъ заставилъ ее вздрогнуть и поднять голову.

Сзади, надъ лѣсомъ, спускалась словно чернильная завѣса: тамъ очевидно шелъ уже проливной дождь. Вдали, но быстро приближаясь, угрожающе загрохоталъ громъ; огромная туча какъ бы разодралась надвое ослѣпительной молніей, и внезапный вихрь, вздувъ платье Тани, чуть не вывернулъ наизнанку ея зонтика. Поспѣшно закрывъ его, молодая дѣвушка бѣгомъ бросилась къ стоящему невдалекѣ сараю, дверь котораго была раскрыта, въ ожиданіи скорой уборки сѣна, и едва успѣла вскочить туда, какъ хлынулъ чисто тропическій ливень.

Ища, гдѣ бы присѣсть, Таня оглянулась въ дальній уголъ сарая и вся вздрогнула отъ неожиданности: тамъ, на какомъ-то обрубокѣ, сидѣлъ незнакомый ей изящный господинъ и курилъ папиросу. Замѣтивъ смущеніе молодой дѣвушки, онъ всталъ и, снимая шляпу, вѣжливо обратился къ ней, говоря съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ:

— Позвольте уступить вамъ мое мѣсто, мадемуазель.

Таня поблагодарила и спокойно подошла къ незнакомцу, но, взглянувъ на него вблизи съ невольнымъ испугомъ попятилась, узнавъ въ немъ графа Людоговскаго. Она тотчасъ же сама на себя разсердилась за этотъ глупый страхъ — не бѣшенный же онъ звѣрь, чтобы его бояться, — но тѣмъ не менѣе ей стало какъ-то не по себѣ въ присутствіи этого человѣка, который, какъ она слышала, безгранично, непримиримо ненавидитъ всѣхъ русскихъ.

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она съ самымъ непринужденнымъ видомъ усѣлась на пенекъ. Но молодой человѣкъ, понявшій ея произвольное движеніе, усмѣхнулся какою-то странной, не то страдальческой, не то пренебрежительной усмѣшкой и сказалъ:

— Повидимому вы такъ боитесь меня, что готовы лучше бѣ-

жать подъ гровою, чѣмъ находится подъ одной крышей со мною. Но будьте покойны: я самъ уйду.

И онъ, повидимому вполне равнодушный къ бушующему урагану, направился къ двери.

— Нѣтъ, что вы, графъ, Богъ съ вами! Я васъ прошу остаться!—воскликнула не на шутку сконфуженная Таня.

Графъ медленно вернулся и насмѣшливо замѣтилъ:

— Все же я—правъ: вы меня знаете и потому такъ ужаснулись встрѣчѣ со мною.

— Я вовсе не ужаснулась,—возразила она, смѣло смотря ему въ глаза, — но дѣйствительно мнѣ было непріятно столкнуться съ человѣкомъ, который, я знаю, желаетъ мнѣ, такъ же, какъ и всѣмъ моимъ близкимъ, всевозможнаго зла.

Людоговскій снова улыбнулся, но на этотъ разъ мягкой, печальной улыбкой, необыкновенно скрасившей его суровое лицо, и, тихо покачавъ головою, заговорилъ:

— Боже мой, Боже, какъ могутъ люди, даже самые близкіе люди, превратно толковать наши чувства! Я воображаю, чего вамъ рассказали про меня мои товарищи!—Его прекрасное лицо снова омрачилось, онъ съ минуту помолчалъ, потомъ, нервно хрустнувъ пальцами, продолжалъ съ тоскливою страстностью:— какъ они не понимаютъ, что мною руководить вовсе не вражда, не злоба къ побѣдителямъ, а мучительная, неисцѣлимая скорбь по погибшей мечтѣ, самой завѣтной, самой священной мечтѣ моей жизни! И если меня возмущаетъ веселое порханіе моихъ друзей, то вовсе не потому, что они веселятся въ русскихъ домахъ, а потому, что вообще нельзя теперь веселиться, когда наша родина въ траурѣ! А злобы, даже противъ вашихъ военачальниковъ, у меня не было, видить Богъ: они исполняли свой долгъ и защищали свою отчизну такъ же, какъ мы шли на бой за свою. Тѣмъ менѣе могу я имѣть что либо противъ здѣшнихъ жителей, которые намъ не сдѣлали ровно ничего дурного. И даю вамъ слово, что весь мой гнѣвъ относится къ моимъ сородичамъ. О, они достойны навсегда остаться рабами, эти пустые болтуны, которые съ такой похвалбой подняли возстаніе, уложили тысячи довѣрившихся имъ людей, а сами всѣ перегрызлись изъ-за будущихъ почестей; когда же все дѣло погибло, они махнули на него рукой и развлекаются, какъ ни въ чемъ не бывало. Что же имъ и горевать въ самомъ дѣлѣ? Больше имъ хлопотать не придется: теперь Польша похоронена... конецъ... навсегда!

По его лицу пробѣжала судорога, словно отъ физической боли, и онъ отвернувшись сталъ съ ожесточеніемъ ошипывать кусть высокой травы, выросшій въ щели пола.

Таня молчала, подавленная его словами. До сихъ поръ, когда кто нибудь рассказывалъ ей о своемъ горѣ, она всегда умѣла что нибудь сказать въ утѣшеніе, обнадежить и подбодрить человѣка; но что могла она отвѣтить на этотъ разъ? Она вовсе не желала графу успѣха и удачи, вся ея русская гордость возмущалась при мысли объ униженіи Россіи, а между тѣмъ ей было глубоко жаль молодого человѣка, его страданіе было ей близко и понятно, и она чувствовала себя такой маленькой, такой ничтожной предъ громадностью этого страданія, что, притихнувъ и вся сжавшись въ комочекъ, лишь уныло поглядывала на графа Мечислава снизу вверхъ, какъ будто считая себя виноватой предъ нимъ за то, что не умѣетъ разгладить эту болѣзненную складку между его бровями и заставить радостно улыбнуться эти строго стиснутыя губы.

— Почему вы сказали мнѣ все это? — наконецъ спросила она тихимъ, какъ бы бережнымъ голосомъ. — Вы, значитъ, доверяете мнѣ?

Графъ провелъ рукою по лбу и устало проговорилъ:

— Почему? Право, я и самъ не знаю. Бываютъ минуты, когда хочется кричать отъ душевной боли... вы явились именно въ такой моментъ... Потомъ вѣдь я васъ знаю: мнѣ о васъ много говорилъ Маевскій, съ которымъ я васъ видѣлъ въ кавалькадѣ... вы не такая, какъ другія... Во всякомъ случаѣ извините меня за этотъ неумѣстный монологъ. Я долженъ казаться вамъ совершенно дикимъ человѣкомъ.

— Неправда! — возразила Таня, покачавъ головкой. — Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, то чувствовала бы точно такъ же, какъ и вы. Только знаете что? По-моему, не слѣдуетъ изводить себя бесполезной печалью. Овладейте собою, займитесь чѣмъ нибудь, а затѣмъ... вѣдь есть же на свѣтѣ и личное счастье. Развѣ оно не можетъ заполнить жизнь?

Графъ Мечиславъ безнадежно махнулъ рукою.

— Ахъ, личное счастье! Теперь мнѣ могло бы дать его только чудо. Да я никогда о немъ и не думалъ, я даже какъ-то не имѣлъ времени жить для себя, съ пятнадцати лѣтъ отдавъ все помыслы и всю душу лишь одной прекрасной, но безумной мечтѣ. А заниматься мнѣ чѣмъ же? Мои имѣнія конфискованы, все мои любимыя дѣла отняты, — за что же мнѣ приняться? Васъ это навѣрно очень удивитъ, но мнѣ въ данное время хотѣлось бы одного: поступить простымъ рядовымъ въ какой нибудь боевой полкъ на восточной окраинѣ и сложить голову въ бою съ чеченцами или курдами. Да развѣ меня кто нибудь приметъ въ русскую армію? развѣ повѣрятъ, что я могу честно пасть въ ряду вашихъ солдатъ? Нѣтъ, мнѣ остается

развѣ только мемуары писать. О, да, я могъ бы написать много интереснаго о томъ, какъ мои соратники клялись раскинуть Польшу „отъ моря до моря“, а вмѣсто того не желали пройти отъ дома до дома, препираясь, кому идти за инструкціями: князю ли къ простому шляхтичу, командиру отряда, или же шляхтичу—къ князю, простому офицеру, и упрямылись до тѣхъ поръ, пока подоспѣли казаки и захватили ихъ всѣхъ, какъ барановъ.

Графъ желчно расхохотался и, подавляя клокотавшее въ немъ безпомощное отчаянье, нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ.

Желая отвлечь его отъ горькихъ мыслей, Таня спросила:

— У васъ, должно быть, прекрасное имѣніе? Въ какой губерніи?

— О, да, чудный уголокъ!—оживляясь отвѣтилъ Людоговскій.—Настоящій рай! Потерянный рай, надо прибавить. Оно близъ Ковны.

Отвѣчая на дальнѣйшіе разспросы молодой дѣвушки и подробно описывая ей горячо любимое имъ гнѣздо, онъ совершенно преобразился; все его лицо прояснилось, гнѣвные глаза засвѣтились мечтательною нѣжностью, ласковыя, бархатныя нотки зазвучали въ металлическо-рѣзкомъ голосѣ. Онъ уже не отдавалъ себѣ отчета въ настоящемъ, онъ забылъ, что великолѣпное, привольно раскинувшееся въ вѣковомъ дубовомъ лѣсу Зброжево уже не принадлежитъ ему, а только наслаждался и отдыхалъ душою, говоря о томъ, что больше всего любить, и видя, съ какимъ интересомъ и сочувствіемъ внимаетъ ему его слушательница.

Оба они были такъ поглощены своей бесѣдой, что даже не замѣтили, какъ прошла гроза и снова разъяснилось небо. Наконецъ Таня опомнилась и вставая смущенно замѣтила:

— Однако и заговорила же я съ вами, графъ. Дома навѣрно обо мнѣ беспокоятся.

— Прикажете васъ проводить?

— Нѣтъ, благодарю; отсюда всего версты двѣ до нашего дома, и я часто гуляю здѣсь одна.—Она протянула графу руку, къ которой онъ почтительно приложился, по польскому обычаю, и, немного замаявшись, предложила ему:—можетъ быть, вы все-таки какъ нибудь соберетесь къ намъ?

— Благодарю васъ, но не общаю. У васъ вѣдь каждый день столько народа, такое веселье... Конечно, если бы я могъ быть увѣренъ, что мнѣ удастся такъ же, какъ сегодня, поговорить только съ вами... Но вѣдь это врядъ ли осуществимо.

— Да, къ сожалѣнію у насъ постоянная ярмарка, — под-

твердила Таня и сама удивилась, поймавъ себя на томъ, что эта „ярмарка“, до сихъ поръ нравившаяся ей, вдругъ возбудила въ ней досадливое чувство.—Но вы все-таки поштыайтесь уловить часть затишья. Хорошо?

— Хорошо,—согласился графъ и тоже съ удивленіемъ прислушался къ тому спокойствію, которое почему-то наполнило его сердце, какъ-то согрѣвъ и убавкавъ его и смягчивъ старую, привычную боль ноющей въ немъ раны.

На этомъ молодые люди разстались, и Таня направилась домой, Людоговскій же пошелъ обратно въ городъ.

Къ обѣду у Малаховыхъ собралось по обыкновенію цѣлое общество молодежи, вечеромъ затѣялись танцы, веселье завершилось каташемъ на лодкахъ при лунѣ. Таня по привычкѣ была любезна и оживленна, но впервые это дѣлалось у нея не само собой; она заставляла себя быть такою. На самомъ же дѣлѣ ей точно чего-то недоставало и хотѣлось остаться одной, забиться въ самую гущину сада и тамъ вволю наплакаться. Но о чемъ же? Развѣ что нибудь случилось?

Очутившись наконецъ у себя въ спальнѣ и дѣйствительно расплакавшись, она до самаго утра не сомкнула глазъ, вспоминая сегодняшнюю встрѣчу и всѣ слова графа.

„Какой онъ несчастный! — думалось ей. — Все у него потеряно, чѣмъ онъ только дорожилъ... И нѣтъ у него никого близкаго, даже поговорить-то не съ кѣмъ. Какъ, должно быть, угнетаютъ его это одиночество и молчаніе, если онъ вдругъ такъ откровенно заговорилъ со мною, совсѣмъ чужою для него!“

Она представляла себѣ, какъ Людоговскій, можетъ быть, теперь такъ же сидитъ у окна своей комнаты, неудобной, наемной комнаты и тоскливо смотритъ въ ту сторону, гдѣ, далеко на западѣ, лежитъ его родное Зброжево. Ей вспомнилась при этомъ недавно видѣнная въ какомъ-то журналѣ картинка „Орелъ въ неволѣ“, и она еще неудержимѣй зарыдала, принавъ головой къ подоконнику.

III.

На слѣдующій день Малаховы уѣхали къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, гдѣ прогостили около недѣли, затѣмъ поселились на нѣкоторое время въ Симбирскѣ, и тамъ гости осаждали ихъ уже съ самаго утра.

Благодаря всему этому, графъ Мечиславъ, издали слѣдившій за ихъ домою, никакъ не могъ выбрать удобный моментъ для визита. Онъ тоже всѣ эти дни вспоминалъ молодую дѣвушку съ теплымъ чувствомъ и нѣкоторымъ удовольствіемъ думалъ о новомъ разговорѣ съ нею. Но случая къ тому не представлялось, и

онъ снова загрустилъ, чувствуя себя послѣ этой встрѣчи еще сиротливѣе, дѣтъ прежде. Его неудержимо тянуло въ тѣ луга, гдѣ онъ увидѣлъ Таню, и онъ почти ежедневно гулялъ тамъ, заходя въ знакомый сарай. Но вскорѣ сѣно было убрано, сарай заперли на крѣпкій замокъ, и графъ, стоя предъ наглухо захлопнутой дверью, чувствовалъ себя такъ, точно былъ изгнанъ изъ самаго милаго, дружескаго дома.

Онъ только теперь отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ хороша Таня, и съ какимъ-то незнакомымъ ему до сихъ поръ сладостнымъ замираніемъ сердца вызывалъ въ памяти ея прелестный образъ. Онъ такъ часто и много думалъ о ней, что ему уже оставалось меньше времени на прежнія горькія думы, и изъ-подъ старой, подавляющей тоски, подобно свѣжей травкѣ, пробивающейся сквозь расколотившуюся могильную плиту, вѣтъ-вѣтъ да и прорывалась безпричинная радость жизни, что-то молодое, доброе и праздничное, похожее на предчувствіе близкаго счастья.

Такое же перерожденіе переживала и Таня, съ тою лишь разницей, что ея полудѣтская душа, не знавшая до сихъ поръ никакихъ серьезныхъ печалей, не освобождалась отъ тоски, а только еще входила въ ея темную полосу. Впрочемъ это была даже не тоска, а сознаніе полной ненужности всего, что окружало ее, тогда какъ то единственное, что казалось ей важнымъ и желаннымъ, было далеко отъ нея. Она хотѣла было рассказать родителямъ о своемъ оригинальномъ новомъ знакомствѣ и просить ихъ пригласить Людоговскаго придти запросто, днемъ, но ее, всегда смѣлую и откровенную, на этотъ разъ удержало чувство не то боязни, не то стыда. Она не могла разобраться въ этомъ чувствѣ, но сознавала, что ни за что не расскажетъ о встрѣчѣ съ графомъ и что ея маленькая тайна ей необыкновенно дорога. Отчасти ей даже не хотѣлось, чтобы онъ приходилъ, потому что тогда эта тайна неизбежно раскрылась бы.

Но такъ какъ ее каждый день все сильнѣе и сильнѣе тянуло повидаться съ графомъ Мечиславомъ, то она разъ утромъ, прокравшись чернымъ ходомъ, чуть не бѣгомъ направилась въ луга, гдѣ, какъ ей почему-то казалось, она непременно должна была встрѣтить молодого человѣка.

Предчувствіе не обмануло дѣвушки: на первомъ же поворотѣ за маленькимъ перелѣскомъ она лицомъ къ лицу столкнулась съ Людоговскимъ. По тому, какъ они оба вспыхнули и обрадовались, порывисто кинувшись другъ къ другу съ сіяющей улыбкой и протянутой рукою, каждый изъ нихъ понялъ, что эта встрѣча не случайна, и оба смутились.

— Какъ поживаете, панна Татьяна? — только и нашелся спросить графъ, идя рядомъ съ нею.

— Такъ себѣ! — съ кислой гримаской отвѣтила она. — А вы? Отчего вы къ намъ такъ и не собрались во весь этотъ мѣсяцъ?

— Да потому, что вы постоянно такъ окружены цѣлой толпою, что, я думалъ, вамъ вовсе не до меня, — съ искреннимъ раздраженіемъ, внезапно закипѣвшимъ у него въ сердцѣ, проговорилъ графъ.

— Напрасно вы такъ думали, — просто возразила Таня. — Напротивъ мнѣ всѣ эти господа ужасно надоели своею пустою и мелочностью. У нихъ нѣтъ никакихъ идеаловъ, никакихъ стремленій, только бы посплетничать, повеселиться и наговорить барышнямъ глупыхъ, приторныхъ комплиментовъ. Больше они ни о чемъ не помышляютъ.

— А вы не любите комплиментовъ? — съ ласковой улыбкой спросилъ Людоговскій, любяся ея разгоряченнымъ личикомъ.

— Нѣтъ! они ставятъ въ неловкое положеніе того, къ кому относятся. Искренняя похвала любящаго человѣка, которая, чувствуется, сорвалась невольно, иногда даже некстати, конечно нѣчто совсѣмъ другое и сюда не относится.

— А мнѣ кажется, что напротивъ очень относится, — лукаво замѣтилъ Людоговскій. — Всѣ бывающіе у васъ молодые люди, насколько мнѣ извѣстно, любятъ васъ гораздо больше, чѣмъ это слѣдовало бы для ихъ спокойствія.

— Не думаю, — равнодушно пожавъ плечами, возразила Таня. — Я уже давно замѣтила, что тотъ, кто не умѣетъ сильно ненавидѣть, плохо умѣетъ и любить.

— Увы мнѣ въ такомъ случаѣ! Я вѣдь тоже, какъ уже чистосердечно признавался вамъ, никого не ненавижу.

— Отдѣльныхъ людей конечно нѣтъ, но извѣстныя условія настоящаго времени очевидно умѣете ненавидѣть, разъ изъ-за нихъ всего себя принесли въ жертву и не примиряетесь съ ними.

— Примириться... нѣтъ, не примиряюсь, но... какъ бы вамъ сказать?... мнѣ становится все легче и легче дышать. Прежде напримѣръ я ходилъ вотъ по этой самой дорогѣ, глядя въ землю, непрерывно думалъ все объ одномъ и томъ же, нарочно растравлялъ свою рану, и мнѣ было на этомъ просторѣ душно, точно въ тюрьмѣ. Теперь же, какъ видите, я иду съ поднятой головою, жадно, всею грудью вдыхаю этотъ чистый воздухъ, меня умиляютъ это ясное небо, этотъ изумрудный лугъ, и, какъ я себѣ ни внушаю, что я здѣсь на чужбинѣ, что я — плѣнникъ, едва избѣжавшій висѣлицы, ничего изъ этого внушенія не вы-

ходить. И хотя мнѣ больно, что погибла моя самая высокая мечта, но зато самая сладостная мечта родилась здѣсь, и потому этотъ клочекъ враждебной страны становится мнѣ настолько же дорогъ, какъ и родина.

Таня слушала его съ невыразимымъ волненіемъ.

„Когда произошла такая перемѣна и отчего?—мелькнула у нея мысль.—Если это случилось не ради меня, то тогда...”

Она не знала, что будетъ тогда, но при одномъ предположеніи объ этомъ у нея вся кровь прилила къ сердцу, и, едва шевеля поблѣднѣвшими губами, она сказала какимъ-то чужимъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Итакъ, чудо совершилось, и вы видите, что личное счастье доступно и вамъ.

— Да, чудо совершилось, и вы догадываетесь, кто—та волшебница, которой я имъ обязанъ, не правда ли?—тихо спросилъ графъ, беря ее за руку и заглядывая ей въ лицо.

Она изъ блѣдной разомъ сдѣлалась совсѣмъ пунсовой, даже хорошенькія ея ушки загорѣлись, и, улыбаясь самой прелестной улыбкой, она молча наклонила головку. Мечиславъ порывисто завладѣлъ другою ея ручкой, въ которой она держала зонтикъ, и сталъ поочередно покрывать обѣ руки нескончаемыми поцѣлуями. Мимо нихъ въ эту минуту протарахтѣла какая-то телега, но они не обратили на нее ни малѣйшаго вниманія и, видя въ цѣломъ мірѣ лишь пару любимыхъ глазъ, продолжали блаженно шептаться.

Людоговскій, правда, тревожился мыслью о томъ, какъ примутъ Малаховы избранника своей единственной дочери.

— Вѣдь у меня теперь нѣтъ ни гроша и я, какъ арестантъ, живу на казенный паекъ,—съ новымъ приливомъ горечи сказалъ онъ.—Къ тому же я въ глазахъ вашихъ родителей—инородецъ, мятежникъ, можетъ быть, даже еретикъ. Очевидно любовь совсѣмъ переродила меня, потому что иначе я ужъ изъ одной гордости предпочелъ бы отказаться отъ счастья, нежели идти на такія униженія.

— Полно, мой другъ! — ласково возразила Таня, закрывая ему ротъ своею нѣжною ладонью.—Никакого униженія не будетъ; самое большее, если родители вначалѣ поворчатъ на меня, а потомъ все обойдется. До сихъ поръ меня ни разу не бранили, когда я отказывала даже очень завиднымъ женихамъ; значитъ, они не станутъ препятствовать мнѣ и теперь, когда я наконецъ выбрала самаго лучшаго человѣка на свѣтѣ!—съ радостной улыбкой заключила она.

Это заключеніе показалось и графу Мечиславу вполне логичнымъ, и влюбленные въ самое радужное настроеніи по-

шли домой, условившись, что Таня при первой же возможности переговорить съ родителями и вызвать его къ себѣ письмомъ.

На окраинѣ города они расстались. Графъ пошелъ въ конецъ глухой, невзрачной улицы, гдѣ снималъ маленькую комнату въ домѣ вдовы дьякона; Таня же, торопясь къ завтраку, взяла извозчика.

Когда она проѣзжала мимо собора, дремавшій на его ступенькѣ юродивый Афонюшка, извѣстный всему городу своими удачными прорицаніями, вдругъ вскочилъ и, шлепая босыми ногами за пролеткой, плаксиво заговорилъ нараспѣвъ:

— Ой, плачетъ горлинка въ кѣлочкѣ, стонетъ, трепыхается! Всѣмъ бѣда, разореньице, а горленкѣ счастье. Взовется соколъ въ печи огненной, а! горлинка въ новомъ гнѣздышкѣ.

Молодая дѣвушка бросила ему гривенникъ и велѣла извозчику погонять лошадей, чтобы избавиться отъ заунывныхъ причитаній мѣстной пифи, отъ которыхъ у нея вдругъ суевѣрно защемило сердце. Какъ ни старалась она убѣдить себя, что туманныя слова Афонюшки не болѣе, какъ бессмысленный бредъ идиота, ей все же было какъ-то не по себѣ.

Дома, какъ только она вошла въ сѣни, дежурившій тамъ лакей съ таинственно-зловѣщимъ видомъ сообщилъ ей:

— Барышня, господа приказали немедленно просить васъ въ кабинетъ. Они васъ тамъ ожидаютъ.

Это необычное приглашеніе, а главное — тонъ лакея нѣсколько встревожили молодую дѣвушку, и она, не заходя въ свою комнату, поспѣшно прошла въ отцовскій кабинетъ.

Родители находились дѣйствительно тамъ. Левъ Андреевичъ, засунувъ руки въ карманы брюкъ, съ грознымъ видомъ шагаль взадъ и впередъ; Марья же Николаевна съ заплаканными глазами и съ красными пятнами по всему лицу, съ видомъ изнемогающей жертвы полулежала въ качалкѣ и нюхала флакончикъ съ солью.

— А, наконецъ-то вы пожаловали, сударыня! — язвительно воскликнулъ Малаховъ при видѣ дочери.

Этотъ тонъ, котораго онъ еще никогда съ нею не принималъ, до того ошеломилъ молодую дѣвушку, что она молча остановилась у двери, переводя недоумѣвающий взоръ съ матери на отца.

— Что случилось, папа? — растерянно пролепетала она.

— То случилось, что ты опозорила своихъ родителей! — шипящимъ голосомъ отвѣтилъ Левъ Андреевичъ, хватая ее за руку, и такъ дернулъ, что у нея отъ боли выступили слезы на глазахъ. — Мы тебѣ дали полную свободу, мы не приставляли

къ тебѣ гувернантокъ, которыя ходили бы за тобою по патамъ, потому что мы вѣрили, что у тебя есть умъ и достоинство, а ты, вмѣсто того, чтобы оправдать такое довѣріе, воспользовалась имъ, чтобы тайкомъ бѣгать по большимъ дорогамъ съ какимъ-то авантюристомъ, какимъ-то gibier de potence *), и довела себя до того, что какая-то Ипатова, эта полумужичка, позволила себѣ заявиться къ намъ и „изъ уваженія къ благороднымъ дворянамъ, предупредить“ насъ, что сейчасъ видѣла тебя, нашу дочь, цѣлующуюся среди поля съ этимъ полячишкой, который даже не смѣетъ носъ показать ни въ одинъ порядочный домъ!

— Не не смѣетъ, а не желаетъ!—звѣнящимъ голосомъ, но твердо глядя отцу въ глаза загорѣвшимся взоромъ, возразила Таня.

— Ахъ, вотъ какъ! Не устаиваетъ насъ, бѣдныхъ, своимъ милостивымъ вниманіемъ, ха-ха!—желчно разсмѣялся Малаховъ.—Но цѣловаться подъ кустомъ съ нашими дочерьми онъ не отказывается? не правда ли?

— Léon, de grâce... quel langage **)!—эоловой арфой простонала Марья Николаевна.

— Ахъ, мнѣ не до лангажа!—отмахнулся отъ нея мужъ и продолжалъ, обращаясь къ дочери:—ну, что же ты молчишь? Или придумываешь, что бы такое солгать?

— Вы отлично знаете, что я никогда не лгу!—поблѣднѣвъ возразила молодая дѣвушка.—Сказать же вамъ на все могу лишь одно: графъ Людоговскій—мой женихъ и...

Но ей не удалось докончить, потому что родители, какъ ужаленные, въ одинъ голосъ воскликнули: „Что-о?!“—причемъ Марья Николаевна, какъ бы пружиною выброшенная изъ качалки, тоже очутилась предъ самымъ лицомъ Тани.

— Графъ Людоговскій—мой женихъ!—гордо поднявъ голову, повторила дѣвушка.

— Да ты совсѣмъ сошла съума!—закричала на нее мать.—Ни одна изъ нашихъ горничныхъ не вздумала бы подбирать жениховъ на большой дорогѣ!

— Далась вамъ эта большая дорога!—нервно усмѣхнувшись, проговорила Таня.—Прежде всего я познакомилась съ графомъ вовсе не на дорогѣ, а мѣсяцъ тому назадъ, когда мнѣ пришлось прятаться отъ грозы, въ сѣнномъ сараѣ.

— Въ сараѣ, ха-ха-ха!—заливался истерическимъ хохотомъ, прервала ее Марья Николаевна.—Это же великолѣпно, беспо-

*) Висѣльникомъ.

**) Левъ, пожалуйста... что за языкъ!

добно! Татьяна Львовна Малахова отыскала себя суженого в сѣнном сараѣ! Ха-ха-ха!

— Это очень странно, я съ вами согласна; можетъ быть, это даже очень нехорошо, и я извиняюсь, что тогда же не рассказала вамъ объ этомъ знакомствѣ. Но, право, лучше познакомиться съ порядочнымъ человѣкомъ хоть въ хлѣву, чѣмъ съ негодяемъ—на самомъ блестящемъ балу.

— Это еще что за разсужденія? — чисто начальническимъ тономъ оборвалъ ее Левъ Андреевичъ.—Ты, кажется, собираешься преподавать намъ новую философію, которой тебя вѣроятно обучилъ этотъ рыцарь съ большой дороги, вмѣсто того чтобы каяться и плакать отъ стыда!

— Мнѣ нечего стыдиться: я не сдѣлала ничего постыднаго. Если же все это произошло не такъ, какъ принято, то это конечно очень жаль, но главное дѣло, мнѣ кажется, не въ томъ, при какихъ обстоятельствахъ я встрѣтилась со своимъ будущимъ мужемъ, а въ томъ, кого я выбрала.

— Молчать!—крикнулъ Малаховъ, окончательно выходя изъ себя и встряхивая дочь за плечо.—Никогда этотъ проходимецъ не будетъ твоимъ мужемъ! Если у тебя самой нѣтъ ни ума, ни совѣсти, то мы не допустимъ, чтобы какой-то бунтарь, которому настоящее мѣсто на висѣлицѣ, вошелъ въ нашу семью, испортилъ карьеру твоего брата, да и мнѣ самому помѣшалъ получить камергера, потому что кто же захочетъ имѣть дѣло съ родственниками ссыльнаго? И ты пожалуйста не вздумай писать ему или что нибудь подобное: теперь — то мы сумѣемъ присмотрѣть за тобою. Правы были наши предки, державшіе васъ, глупыхъ дѣвчонокъ, подъ замкомъ да подъ кнута! Такъ и знай: до самаго отъѣзда въ Петербургъ ты не выйдешь изъ своей комнаты, а тамъ, увидѣвъ настоящихъ людей, сама поблаговаришь насъ за то, что мы спасли тебя отъ этого шута.

— Сомнѣваюсь!—вся поблѣвъ, возразила Таня.—Во всякомъ случаѣ ни за кого изъ вашихъ „настоящихъ людей“ я не пойду, лучше разобью себя голову о стѣну... Или за графа, или ни за кого въ мірѣ... это вы тоже знайте!

Она говорила все отрывистѣе и глуше, хватаясь за горло, которое вдругъ сжалось и не пропускало воздуха, наконецъ пошатнулась и безъ чувствъ упала на коверъ.

Очнулась Таня у себя въ комнатѣ и сразу не могла понять, что съ нею случилось. Было еще совсѣмъ свѣтло, вечернее солнце ярко золотило ея уютную спальню, а между тѣмъ она лежала въ постѣли раздѣтая, какъ на ночь. Но, минутою спустя, она уже все вспомнила, и, спрятавъ лицо въ подушки,

„СБОРНИКЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“. 1913 г. кн. 13-я. 2

горько зарыдала. Выплакавшись и чувствуя себя совсемъ разбитой, она вмѣстѣ съ тѣмъ вполне успокоилась, принявъ твердое рѣшеніе до послѣдней минуты бороться за свое счастье, не отступать ни предъ какимъ скандаломъ, чтобы добиться своего, а если ее вздумаютъ насильно вѣнчать съ кѣмъ нибудь другимъ, то... ну, тогда останется только утопиться въ Невѣ. Конечно это очень страшно и горько, но во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ жить съ немылымъ, когда всѣ думы, все сердце принадлежитъ милому, желанному!

Таня задумалась, сама дивясь тому, какъ сильно захватила ее любовь къ этому едва ей знакомому человѣку, но тотчасъ же сказала себѣ, что она въ двѣ встрѣчи лучше узнала графа Мечислава, чѣмъ самыхъ близкихъ своихъ знакомыхъ, потому что онъ ни минуты не болталъ съ нею объ обычныхъ салонныхъ пустякахъ, а лишь правдиво говорилъ о томъ, чѣмъ былъ полнъ его внутренній міръ. Да, отъ своего Мечислава она не откажется, чѣмъ бы ни грозили ей родители! Но въ данное время, разъ она находится подъ надзоромъ, лучше ничего не предпринимать, а подождать до Петербурга, гдѣ, вывозя ее въ свѣтъ, ей поневолѣ придется предоставить извѣстную свободу.

О, тамъ-то она сумѣетъ все устроить! она въ крайнемъ случаѣ бросится къ ногамъ государя, искренне повѣдавъ ему о своемъ горѣ, и онъ, такой великодушный, уже даровавшій жизнь ея милому, сжалятся и надъ нею.

Однако вѣдь до тѣхъ-то поръ еще далеко, а теперь первымъ дѣломъ надо бы дать знать Мечиславу, подробно сообщить ему обо всемъ, утѣшить его, обнадежить. Но какъ же переслать ему письмо? Можетъ быть, Груня, несмотря на боязнь господъ, все-таки согласится отнести его? Во всякомъ случаѣ эта дѣвушка такъ предана ей, что обманывать ее не станетъ.

Таня протянула руку и позвонила. Изъ сосѣдней уборной тотчасъ же появилась Филатовна, старшая горничная Марьи Николаевны, ехидная пожилая дѣвица, искренне скорбѣвшая объ отмѣнѣ крѣпостного права и по старой памяти продолжавшая наводить страхъ и уныніе на всю дворню. Таня ее терпѣть не могла, всегда выводила на свѣжую воду и вслѣдствіе этого, несмотря на медовыя улыбочки и сюсюкающія словечки, старуха въ глубинѣ души платила барышнѣ такую же антипатіей. Молодая дѣвушка понимала это и потому, увидѣвъ предъ собою кислую фizioномію домашняго шпиона вмѣсто веселой, миловидной Груни, досадливо поморщилась и нетерпѣливо замѣтила:

— Зачѣмъ ты здѣсь? Пошли ко мнѣ Груню!

— Груньку барыня послали въ деревню для разныхъ порученій. барышня вы моя золотая, а мнѣ приказали находиться

при васъ,—умильно склонивъ голову на-бокъ, но со злорадно свѣтящимися глазами, пропѣла Филатовна.

„Значить, все пропало!—съ отчаяніемъ подумала Таня.—Отъ этого Малюты Скуратова ничто не укроется. Развѣ подкупить ее? У меня вѣдь много золотыхъ вещей, да и денегъ порядочно. Нѣтъ, она уже столько накрала и ей такъ выгодно пользоваться маминей милостью, что пустяками ее не соблазнишь, а все отдавать нельзя: я безъ денегъ буду по рукамъ и по ногамъ связана. Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Вѣднѣй Мечиславъ измучается, не получая отъ меня извѣстій, пожалуй даже станеть сомнѣваться во мнѣ!“.

Однако, не желая доставлять удовольствіе старухѣ своимъ горемъ, Таня, что называется, бровью не повела и отозвалась самымъ спокойнымъ тономъ:

— Да? Ну, въ такомъ случаѣ дай мнѣ сюда поѣсть: я сегодня не завтракала.

На лицѣ Филатовны явно выразилось разочарованіе, и она, повернувшись къ двери, уныло протянула:

— Слушаю-съ. Сю минуту кликну Семена.

Продолжая сохранять полное наружное спокойствіе, Таня съ перепѣишемъ ожидала ночи. Она рѣшила все-таки написать Людоговскому самое подробное и обстоятельное письмо, чтобы тотчасъ же отослать его, если къ тому представится какойнибудь случай. Со всевозможными предосторожностями выполнивъ свое намѣреніе и запрятавъ запечатанное письмо между печными вьюшками, она нѣсколько повеселѣла и крѣпко уснула.

Однако день проходилъ за днемъ, а отправить свое посланіе по назначенію Танѣ не удавалось, такъ какъ Филатовна сторожила ее съ такою бдительностью, съ какою врядъ ли въ свое время стерегли загадочную Желѣзную Маску. Груня же, съ артистическою ловкостью умѣвшая проводить старую дѣву, не возвращалась изъ деревни. Молодая дѣвушка теряла терпѣніе и уже готова была выбросить конвертъ на улицу, рассчитывая, что авось добрый человѣкъ подниметъ его и снесетъ по адресу. Но домъ Малаховыхъ отдѣлялся отъ улицы настолько широкимъ палисадникомъ, что добросить письмо до троттуара было врядъ ли возможно. Къ тому же толстое письмо на имя ссыльнаго повстанца, да еще самага скомпрометтированнаго изъ всѣхъ, могло бы возбудить неумѣстное любопытство даже и въ добромъ человѣкѣ. Поневолѣ пришлось отказаться и отъ этого единственнаго способа сообщенія.

Больше всего тревожила Таню мысль о томъ, что теперь думаетъ графъ Мечиславъ и какъ онъ себѣ объясняетъ ея молчаніе. Но она напрасно опасалась, что онъ заподозритъ ее

въ легкомысленномъ отказѣ отъ него по первому требованію родителей. Онъ вѣрилъ ей такъ же безгранично, какъ и она ему, и ни на мигъ не усомнился въ ея вѣрности, но дѣйствительно сильно волновался, сперва отъ нетерпѣнія, а потомъ отъ того, что, представивъ себѣ все случившееся такъ точно, какъ если бы онъ присутствовалъ при ссорѣ невѣсты съ ея родителями, онъ беспокоился о ея здоровьѣ и упрекалъ себя за то, что смутилъ безоблачный покой этой юной жизни.

Каждый вечеръ, когда становилось совсѣмъ темно, графъ долго бродилъ вокругъ дома Малаховыхъ, надѣясь случайно услышать что нибудь о любимой имъ дѣвушкѣ. Но въ старомъ барскомъ домѣ словно все вымерло, и графъ, видя это безлюдіе и услышавъ отъ Маевского о странномъ поведеніи Малаховыхъ, вывелъ изъ всего этого совершенно правильное заключеніе, что Таня находится подъ строжайшимъ надзоромъ. Однако онъ тотчасъ сталъ придумывать, какъ бы дать ей о себѣ вѣсточку.

Зато, какъ мы уже видѣли, все мѣстное общество, не посвященное въ суть дѣла, вволю недоумѣвало и фантазировало.

IV.

Такъ миновала цѣлая недѣля и наступило девятнадцатое августа, незабвенное въ исторіи Симбирска.

День выдался жаркій и душный, какъ бываетъ предъ грозю. По небу ходили тяжелыя кучевыя облака, однако дождя не было, и хотя порою и налетали сильные порывы вѣтра, но, потрепавъ деревья и обдавъ прохожихъ уличною пылью, безрезультатно неслись дальше. Вскорѣ послѣ полудня въ самомъ центрѣ города загорѣлся одинъ купеческій домъ, какъ потомъ говорили, отъ опрокинутой въ темномъ чуланѣ масляной лампы; впрочемъ возстановить въ точности причину возникновенія огня такъ и не удалось.

Вначалѣ пожаръ мало беспокоилъ сосѣдей. Лишь самые близкіе изъ нихъ принялись на всякій случай связывать въ узлы наиболѣе цѣнныя вещи. Пожары и теперь—обыкновенное явленіе на Руси, полвѣка же тому назадъ, когда даже лучшіе губернскіе города по большей части состояли изъ деревянныхъ домовъ, они случались еще чаще, и, вызывая горестныя вопли у самихъ потерпѣвшихъ, для обитателей отдаленныхъ кварталовъ являлись хотя и жуткимъ, но втайнѣ пріятнымъ развлеченіемъ, служившимъ затѣмъ неистощимою темой разговоровъ до слѣдующаго подобнаго же происшествія.

То же было и на этотъ разъ. Предъ быстро разгоравшимся домомъ собралась оживленная кучка самаго разношерстнаго люда и, обмѣниваясь впечатлѣніями, ждала прибытія пожарныхъ.

которые въ тѣ годы не только въ провинціи, а и въ столицѣ далеко не отличались образцовымъ проворствомъ. Зрители знали, что они явятся еще не такъ-то скоро, что домъ во всякомъ случаѣ сгоритъ до основанія, что вѣроятно и смежные дома сильно пострадаютъ и что мѣстные „Вѣдомости“ будутъ послѣ этого долго и пространно говорить о нашей некультурности и отсталости отъ Европы, а потомъ все опять войдетъ въ свою колею.

Однако на этотъ разъ бѣдствію не суждено было ограничиться столь скромными размѣрами. Страшнѣйшій шквалъ, налетѣвъ вдругъ на загорѣвшійся домъ, сорвалъ съ него нѣсколько пылающихъ головней и цѣлую тучу искръ и помчался далѣе, сѣя ихъ на ближайшіе дома. Тѣ тоже загорѣлись. Въ публикѣ послышались испуганные ахи и визги, и ея ряды значительно порѣдѣли: обезпеченные обыватели заспѣшили къ своему имуществу.

Но вѣтеръ продолжалъ неистовствовать. Изъ перваго занявшагося дома безпрестанно взлетали фонтаны раскаленныхъ головешекъ и мчались во всѣ стороны, поджигая все новыя и новыя зданія; не прошло и получаса, какъ огненные языки уже разгуливали по всему Симбирску. Прошелъ еще часъ — и городъ пылалъ сплошнымъ костромъ. Уцѣлѣли лишь тѣ дома, которые были окружены большими садами или пустырями, да и въ тѣхъ оконныя стекла лопались отъ жары, а защищавшія ихъ деревья шипѣли, корежились и поникали почернѣвшими вѣтвями, словно чьи-то невидимыя уста высасывали изъ нихъ всѣ жизненные соки.

Нечего было и думать тушить такой пожаръ. Оставалось лишь спасать свою жизнь, убѣгая вонъ изъ погибающаго города. Такъ и поступали. Наскоро захвативъ кое что изъ особенно дорогихъ имъ вещей, а большинство — побросавъ и ихъ на произволъ судьбы, обезумѣвшіе обыватели бѣжали, куда глаза глядятъ. Всеобщая паника и отчаяніе сравняли всѣ ранги и положенія. Рядомъ съ изящной барыней въ шелковомъ пенюарѣ убѣгалъ грязный, босой оборванецъ, и на лицахъ обоихъ выражался одинъ и тотъ же животный страхъ за свою жизнь; по бокамъ старенькаго священника съ развѣвающимися по вѣтру сѣдыми волосами и со стариннымъ евангеліемъ въ рукахъ бѣжали блестящій офицеръ, уносившій мозаичную шкатулку съ сувенирами, и толстый дворецкій, спасавшій свой парадный камзолъ, и всѣ они одинаково бережно прижимали къ груди то, что каждому изъ нихъ было всего дороже.

Но далеко не всѣмъ удавалось выбѣжать изъ огненнаго круга: многіе падали, задыхаясь отъ дыма, или будучи ослѣп-

лены попавшими въ глаза искрами, и тутъ же погибали. Въ узкихъ переулкахъ сшибались толпы, бѣжавшія по противоположнымъ направленіямъ, и съ искаженными отъ злобы и ужаса лицами вступали въ драку за проходъ; сильные прорвавшись мчались дальше по тѣламъ слабыхъ, не разбирая ни друзей, ни родныхъ. Дѣти теряли родителей, мужья—женъ, и сплошной стонъ отъ воплей и рыданій стоялъ надъ городомъ; но его заглушала адскій свистъ бушеваваго пламени и грохотъ рушившихся зданій.

Воцарился какой-то первобытный хаосъ, въ которомъ человѣческія души обнажались, сбрасывая съ себя все искусственные покровы лицемерія, культуры и воспитанія, и являли свою сокровенную сущность: безвольную робость, жестоку подлость или же геройскую самоотверженность. И если въ этотъ роковой день многіе убивали для того, чтобы самимъ спастись, зато находились и такіе, которые шли на явную смерть, спасая другихъ.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и графъ Мечиславъ. Ему лично не грозила никакая опасность, такъ какъ домикъ, въ которомъ онъ жилъ, стоялъ на самой окраинѣ и съ трехъ сторонъ былъ окруженъ обширными огородами, а фасадомъ хотя и выходилъ на улицу, но отдѣлялся отъ нея порядочнымъ фруктовымъ садомъ, да и противъ него тянулся одинъ изъ самыхъ большихъ мѣстныхъ садовъ. Вдобавокъ вѣтеръ дулъ именно съ этой стороны и даже относилъ отсюда расплывавшіеся во все стороны клубы дыма, отсылая ихъ навстрѣчу бѣжавшимъ сюда народу. Такимъ образомъ Людоговскому проще всего было бы сидѣть дома и благодарить судьбу за то, что ему досталось такое благодатное, хотя и невзрачное на видъ жилище. Но онъ, наоборотъ, считалъ бы за высшее наказаніе, если бы его сейчасъ ктонибудь принудилъ остаться дома.

Едва лишь онъ услышалъ отъ своей хозяйки о небываломъ бѣдствіи, обрушившемся на городъ, какъ его мозгъ пронизала одна мысль: „А Таня?“—и онъ, сорвавъ съ постели простыни и одѣяла, бросился вонъ изъ дома, по дорогѣ намочивъ ихъ въ бочкѣ воды, стоявшей въ сѣняхъ. Онъ не разсуждалъ о томъ, что молодая дѣвушка или успеетъ спастись безъ него, или погибнетъ, прежде чѣмъ онъ прибѣжитъ, и что въ общей суматохѣ онъ все равно не найдетъ ея. Еще того менѣе думалъ онъ о грозившей лично ему опасности. Его душа трепетно рвалась къ единственной цѣли: самому вынести изъ огня свое величайшее сокровище или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ.

Обвернувъ свое тѣло до половины мокрою простыней и защищая подъ нею отъ искръ одѣяла, предназначенныя для Тани,

графъ бѣжалъ во всю прыть, не разбирая дороги, кратчайшимъ путемъ; онъ спотыкался, захлебывался дымомъ, до крови кусалъ себѣ губы отъ страшной боли въ груди и въ глазахъ, но неуклонно стремился все впередъ, въ самое пекло, гдѣ надъ нимъ ежеминутно пролетали горящія головки и рѣяли потоки алыхъ искръ.

Ему вспомнилось при этомъ, какъ годъ тому назадъ онъ кидался въ бѣгу съ тѣмъ же рѣшеніемъ побѣдить или умереть. Тогда ему судьба не сулила ни побѣды, ни смерти; но если его и на этотъ разъ ждетъ пораженіе, если онъ узнаетъ, что опоздалъ и Таня погибла, то теперь онъ не въ силахъ будетъ жить и тутъ же бросится въ огонь.

Между тѣмъ Таня пока еще и не подозрѣвала о пожарѣ. Проплакавъ почти всю ночь напролетъ, она хоть и встала въ обычное время, но тотчасъ же послѣ завтрака прилегла на кушетку и такъ крѣпко заснула, что не слышала ни криковъ на улицѣ, ни бѣготни въ домѣ.

Марья Николаевна и Левъ Андреевичъ съ самаго утра уѣхали въ деревню, гдѣ ввиду скорого отъѣзда въ Петербургъ имъ необходимо было сдѣлать различныя хозяйственныя распоряженія. Домъ, съ котораго начался пожаръ, находился неподалеку отъ Малаховыхъ, и дворня, увидѣвъ зарево и пользуясь временной свободой, вся убѣжала любоваться даровымъ зрѣлищемъ. Одна лишь Филатовна, хотя и слышала, что гдѣ-то за соборною площадью горитъ, не рѣшилась отлучиться и не двинулась со своего сторожевого поста въ барышнинной уборной, продолжая съ важнымъ видомъ вязать чулокъ.

Но, когда, спустя нѣкоторое время, внизу послышались отчаянная суматоха и бабій вой, она встревожилась, выбѣжала въ шкафную, выходящую окнами на противоположную сторону — да такъ и присѣла отъ ужаса: полгорода было объято огнемъ, и кроваво-черная туча дыма неслась прямо на малаховскій домъ.

— Никола Милостивый! Сундуки-то мои! — взвизгнула старая дѣва и, моментально забывъ о барышнѣ и обо всѣхъ своихъ обязанностяхъ, мячикомъ скатилась съ лѣстницы, торопясь спасти свое имущество.

Неистовый шумъ разбудилъ наконецъ Таню. Она испуганно вскочила, выглянула въ уборную и, не найдя тамъ своей тюремщицы, тоже побѣжала въ шкафную. Страшная картина пожара заставила и ее вскрикнуть и отшатнуться, но въ ея умѣ тотчасъ же мелькнула блаженная мысль:

„Свобода!“

Съ ликующимъ сердцемъ, но подгибающимися отъ волненія ногами, кинулась она обратно въ спальню, схватила свою шка-

тулочку съ драгоценностями и деньгами и, перескакивая черезъ три ступеньки, спустилась внизъ, не встрѣтивъ ни души, такъ какъ вся прислуга столпилась у чернаго крыльца, вытаскивая свой скарбъ. О мокрой простынѣ Таня и не подумала, выбѣжавъ на улицу, какъ была въ батистовомъ капотикѣ и съ заплетенными въ косу волосами. Она не раздумывала о томъ, куда ей бѣжать, а инстинктивно направилась въ ту сторону, гдѣ, какъ ей помнилось, жилъ графъ, въ странной увѣренности, что она непременно встрѣтитъ его, а тамъ ужъ ей больше не о чемъ будетъ и заботиться.

Къ счастью такъ и вышло. Не успѣла она миновать и три дома, какъ увидѣла бѣжавшаго ей навстрѣчу Людоговскаго, вѣрнѣе не увидѣла, а почувствовала сердцемъ, что это — именно онъ; графъ былъ непохожъ на себя, весь измазанный копотью пополамъ съ водою, съ красными глазами и запекшимися губами.

— Таня! — въ безумной радости воскликнулъ онъ и такъ крѣпко прижалъ ее къ своей груди, что у нея закружилась голова.

— Милый! Дорогой! — пролепетала она и, обвивъ его шею дрожащими руками, заплакала не то отъ страха, не то отъ счастья.

— Скорѣе, Таня, скорѣе отсюда! — заторопилъ ее графъ Мечиславъ, кутая ее въ свои одѣяла, поднялъ выроненную ею шкатулочку, сунулъ послѣднюю въ руки дѣвушки и, сильнымъ движеніемъ подхвативъ свою дорогую ношу, бросился съ нею назадъ.

Онъ понесъ Таню прямо къ себѣ, даже не думая въ эти тревожныя минуты о томъ, насколько это прилично. О какихъ ужъ приличіяхъ могла быть рѣчь, когда надъ ихъ головами носилась смерть и буквально каждый шагъ грозилъ гибелью!

Тѣмъ не менѣе графъ благополучно добрался съ нею до дома, если не считать тѣвшей на немъ одежды и ушибовъ, которыми его наградили нѣсколько головней, задѣвшихъ его спину и плечи. Бережно внеся молодую дѣвушку къ себѣ въ комнату, Людоговскій опустилъ ее на постель, и тутъ вдругъ силы измѣнили ему, въ ушахъ зашумѣло, и онъ въ полномъ безпамятствѣ свалился на полъ. Испуганной Танѣ пришлось приводить его въ чувство. Впрочемъ это скоро удалось ей, и, придя въ себя, графъ даже могъ играть роль любезнаго хозяина, угощая свою желанную гостью чаемъ и холоднымъ мясомъ. Сила молодости, здоровья и взаимной любви такъ велика, что, забывъ обо всѣхъ своихъ тревоженіяхъ, они весело смѣялись надъ невѣроятнымъ видомъ другъ друга и въ самыхъ комическихкихъ краскахъ описывали свое бѣгство.

Однако графъ все-таки не забывалъ настоящаго положенія вещей и, когда увидѣлъ, что Таня совсѣмъ отдохнула, серьезно обратился къ ней:

— Послушай, радость моя, вѣдь намъ надо подумать о томъ, что теперь дѣлать. Мнѣ кажется, будетъ лучше всего, если я отведу тебя къ вамъ въ усадьбу. Найти теперь лошадей конечно нигдѣ невозможно, но шесть верстъ ты и пѣшкомъ пройдешь.

Все оживленіе разомъ сбѣжало съ личика молодой дѣвушки. Она вздрогнула, какъ бѣглый узникъ, которому среди полнаго упоенія волей вдругъ ложится на плечо тяжелая рука его тюремщика. Посмотрѣвъ на жениха долгимъ, испытующимъ взглядомъ, она почти строго спросила:

— Ты не хочешь, чтобы я совсѣмъ осталась у тебя?

— Ахъ, Таня, что за вопросъ!—могъ только прошептать графъ, поблѣднѣвъ отъ счастья, и припалъ къ ея рукамъ.

— Въ такомъ случаѣ я никуда не уйду!—рѣшительно объявила молодая дѣвушка, съ нѣжностью склоняясь къ графу Мечиславу.—У меня окончательно исчезло всякое чувство къ родителямъ, послѣ того какъ они вздумали обращаться со мною, точно съ рабой или бездушною вещью, а главное—оскорблять тебя. Пусть они теперь ищутъ меня, гдѣ хотятъ! А когда найдутъ, то поневолѣ согласятся на нашу свадьбу, разъ ужъ я живу у тебя. И пусть всѣ знаютъ, что я здѣсь нахожусь, всѣ наши знакомые—и дамы, и мужчины... Слышишь, Мечиславъ?... Я такъ хочу!

— Хорошо, моя родная, хорошо, только успокойся!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, нѣсколько даже испуганный ея лихорадочною возбужденностью.

Онъ, какъ только могъ удобнѣе, устроилъ Таню въ своей комнатѣ, а самъ перешелъ пока въ хозяйское зальце, гдѣ уже помѣщались двое какихъ-то мужчинъ, въ числѣ многихъ другихъ оставшіеся въ этотъ день безъ крова.

V.

Прошло три дня. По развалинамъ города, выгорѣвшаго почти на три четверти, не узнавая загроможденныхъ обломками улицъ, бродили унылыя, измученныя фигуры и, найдя наконецъ то мѣсто, гдѣ прежде стоялъ ихъ домъ, принимались рыться въ не остывшей еще золѣ, что-то отыскивая въ ней. Нѣсколько человѣкъ, потерявшихъ въ огнѣ своихъ дѣтей, сошли съума и, вырывъ изъ-подъ обломковъ отдѣльныя кости, можетъ быть, даже вовсе и не человѣческія, съ радостнымъ смѣхомъ цѣловали и баюкали ихъ. Насколько пожаръ былъ страшенъ, на-

столько эта черная, мертвенная пустыня, оставленная имъ, нагоняла удручающую тоску.

Таня, хотя и сидѣла безвыходно дома, но отъ поляковъ, навѣщавшихъ въ эти дни Людоговскаго, слышала рассказы о творившихся кругомъ ужасахъ и плакала, не осушая глазъ, такъ что наконецъ графъ даже прикрикнулъ на своихъ гостей, разстраивавшихъ его невѣсту.

Въ сумерки третьяго дня къ маленькому домику дьяконовой вдовы подъѣхала элегантная карета; изъ нея вышли пожилой господинъ съ дамой, поднялись на крылечко, съ минуту о чемъ-то поговорили съ хозяйкой, кормившей въ это время цыплятъ, и она провела ихъ къ Танѣ.

— Къ вамъ гости!—объявила она, распахивая дверь и впуская незнакомыхъ посѣтителей.

Таня, съ большимъ трудомъ мастерившая себѣ платье изъ куска шерстяной матеріи, перекупленной ею у дьяконницы, спокойно повернула голову въ ихъ сторону, думая, что опять пришли какіе нибудь товарищи графа Мечислава, но, вмѣсто нихъ, увидѣвъ своихъ родителей, страшно поблѣднѣла и встала со стула. Графъ, читавшій ей вслухъ, сперва досадливо обернулся къ двери, но, сразу догадавшись, кого видитъ предъ собою, тоже всталъ съ измѣнившимся лицомъ и молча наклонилъ голову.

Марья Николаевна, на много лѣтъ постарѣвшая въ эти дни, едва переступала, опираясь на руку мужа, хотя и очень торопилась идти; протягивая къ дочери дрожащія руки. Левъ Андреевичъ держался твердо и мужественно, но его осунувшееся и блѣдное лицо все подергивалось.

— Танюша!—проговорила Марья Николаевна срывающимся голосомъ, и слезы полились по ея лицу.

Одно это слово, произнесенное совершенно необычнымъ, какимъ-то любовно-старушечьимъ тономъ, сказало молодой дѣвушкѣ, что о прежней враждѣ больше не можетъ быть и помина, что она прощена и всѣ старыя невзгоды миновали. Мгновенно забывъ весь свой гнѣвъ, она бросилась въ объятія матери и, покрывая поцѣлуйми ея исхудалыя руки, тоже залилась слезами. Марья Николаевна не могла говорить и, въ изнеможении опустившись на кровать, лишь судорожно прижимала къ себѣ дочь. Левъ Андреевичъ сдержанно поклонился графу и молча протянулъ ему руку. Это было немного, но молодой человекъ и этому обрадовался и, съ такою смѣлой прямою глядя въ глаза Малахову, такъ крѣпко пожалъ эту руку, что лицо того сразу прояснилось.

Послѣ первыхъ несвязныхъ восклицаній и вопросовъ Таня

узнала отъ родителей, что ихъ дворня въ день пожара въ полномъ составѣ явилась въ усадьбу, таща свои пожитки и голоса о случившемся несчастіи. Филатовна, завладѣвъ брочкой и конюхою, явилась со всѣми своими сундуками, но на вопросъ, гдѣ же барышня, ничего не могла отвѣтить и, вся трясясь, повалилась господамъ въ ноги. Когда изъ опроса прислуги выяснилось, что никто не видалъ барышни и что она вѣроятно такъ и осталась наверху, гдѣ спала, Малаховы обезумѣли отъ ужаса и бросились въ городъ, загнавъ на-смерть своего лучшаго рысака.

— Ахъ, Танюша, если бы ты знала, что мы пережили! — воскликнула Марья Николаевна, закрывая лицо руками. — И вотъ увидѣли мы нашъ домъ... одна лишь куча балокъ отъ него осталась... я такъ тамъ и упала замертво... „Ну, конечно сгорѣла“, — думали мы... Всѣ эти дни рыли, рыли на томъ мѣстѣ... какіе-то мужики намъ помогали, очень насъ жалѣли... Всю груду разобрали по щепочкамъ — нѣтъ тебя, а скелетъ „Полкана“ нашли. Тутъ мы вздохнули свободнѣе, стали надѣяться, что, можетъ быть, ты и спаслась. Сегодня съ утра ѣздили по городу, всѣхъ встрѣчныхъ разспрашивали, и вотъ недавно только наткнулись на Маевского, который сказалъ намъ, что графъ спасъ тебя и ты живешь у него. Онъ насъ и проводилъ сюда.

Внимая этому разсказу, Таня страстно рыдала, твердя:

— Простите меня, мамочка! Папа, простите! Если бы я знала, что это такъ выйдетъ! Но мнѣ даже въ голову не пришло, что вы будете считать меня сгорѣвшей. Лучше бы я послушалась Мечислава и сразу пошла въ усадьбу! Пусть бы вы опять заперли меня, только бы такъ не мучились! Господи, что я надѣлала!

— Ну, ну, не надо такъ убиваться! — взволнованно возразилъ Левъ Андреевичъ, кладя руку на голову дочери. — Это — такое счастье, что ты жива, что больше не о чемъ и толковать. Остальное все — пустяки. Мы достаточно помучили другъ друга, теперь надо иначе устроить свою жизнь.

Таня съ улыбкой подняла свое заплаканное личико и, смущенно взглянувъ въ сторону жениха, спросила:

— Папочка, а какъ же Мечиславъ?

— Если бы я не видѣлъ его, — отвѣтилъ Малаховъ, — то сказалъ бы, что послѣ всего случившагося тебѣ все равно надо выйти за него. Но теперь я скажу, что, хотя бы и ничего не случалось, я все же съ радостью отдалъ бы ему тебя, такое онъ внушаетъ мнѣ довѣріе. Эхъ, бросили бы только всю эту политику! — продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку. —

Всѣ мы прежде всего — люди и должны по-человѣчески относиться другъ къ другу.

Темно-сѣрые глаза Людоговскаго загорѣлись невыразимою радостью; онъ быстро подошелъ къ Малахову, взялъ его руку и почтительно поцѣловалъ. Это такъ растрогало старика, что онъ, все время удачно крѣпившійся, тутъ не выдержалъ, всхлинулъ и, отойдя къ окну, долго что-то возился съ носовымъ платкомъ.

Поздно вечеромъ, когда всѣ, успокоенные и счастливые, сидѣли за столомъ въ усадьбѣ Малаховыхъ, Таня вдругъ вспомнила ставшее ей теперь яснымъ предсказаніе юродиваго и рассказала о немъ.

— Да, замѣчательный ясновидецъ былъ покойный, — задумчиво согласилась Марья Николаевна.

— Отчего покойный? Развѣ онъ умеръ? — встрепелась Таня.

— Да какъ же, сгорѣлъ, бѣдняга, — отвѣтилъ Левъ Андреевичъ. — Все чихъ-то дѣтей выносилъ изъ огня, пока его не пришибло свалившейся балкой.

Молодая дѣвушка затуманилась и поникла головкой.

Замѣтивъ это, отецъ похлопалъ ее по плечу и ободрительно сказалъ:

— Не грусти, дѣточка, не огорчай своего жениха! Такова ужъ жизнь: однимъ — горе, другимъ — радость. Кого этотъ пожаръ разлучилъ, кого разорилъ, а вотъ васъ онъ сосваталъ.

* * *

Спустя нѣкоторое время, когда помолвка Тани съ графомъ Мечиславомъ стала извѣстной въ городѣ съ болѣе или менѣе вѣрными подробностями, кто-то шутя замѣтилъ, что графу пожаръ былъ такъ благоприятенъ, что, знай онъ это заранѣе, пожалуй самъ поджегъ бы городъ. Эта шутка, сказанная не въ добрый часъ, пошла гулять изъ устъ въ уста, разрасталась; подобно снѣжному кому, и вскорѣ среди мѣстнаго простонародья пробѣжалъ слухъ, что Симбирскъ подожгли поляки, въ отместку за то, что русскіе усмирили ихъ. Немало способствовала этимъ розсказнямъ и Филатовна, съ позоромъ изгнанная изъ барскаго дома и злобствовавшая на всю вселенную. Одно время полиція даже опасалась самосуда черни надъ ссыльными, и въ огражденіе ихъ были приняты энергичныя мѣры. Однако страсти постепенно улеглись, и, заслоненная новыми злобами дня, эта нелѣпая выдумка забылась такъ же, какъ забываются всѣ подобныя выдумки, если онѣ не вызываютъ собою катастрофы.

„Господи, обрѣй короля“.

Въ послѣдніе два-три года наблюдается особенное изобиліе всевозможныхъ національно-династическихъ торжествъ и юбилеевъ, обыкновенно сопровождающихся объѣздомъ монархами своихъ подданныхъ. Въ Россіи за славными годовщинами Полтавы и Бородино наступили радостные дни трехсотлѣтія дома Романовыхъ; за границей, помимо разныхъ военныхъ юбилеевъ, были отпразднованы восьмидесятилѣтіе австрійскаго императора, двадцатипятилѣтіе царствованія императора Вильгельма, коронаціонныя торжества въ Англіи и Индіи и мн. др. По этому поводу иностранная пресса припоминаетъ рядъ забавныхъ эпизодовъ, происходившихъ при чествованіи подданными своихъ монарховъ.

Очень забавно привѣтствовали короля Георга обитатели какого-то индійскаго селенія, вывѣсившіе пестро раскрашенные и ярко иллюминированные транспаранты съ надписью, весьма подходившей къ поводу путешествія короля—коронаціоннымъ торжествамъ. Туземцы избрали для этой надписи начальныя слова англійскаго гимна— „God save the King“ (т. е. „Боже, спаси короля“). Только по плохой освѣдомленности въ весьма трудной англійской орфографіи туземцы во второмъ словѣ послѣ „s“ вставили „h“, т. е. написали „shave“, что по-англійски значить уже не „спасать“, а „брить“. Такимъ образомъ индійскіе вѣрноподданные короля Георга въ этихъ надписяхъ умоляли Небеса обрить своего государя, который, какъ извѣстно, носить окладистую бороду.

Уже не по невѣдѣнію, а изъ излишняго усердія перестарались колбасники Помераніи, встрѣчавшіе короля Фридриха Вильгельма Четвертаго при его коронаціонномъ путешествіи. При въѣздѣ въ одинъ изъ городковъ, славящихся колбаснымъ производствомъ, была воздвигнута триумфальная арка, съ которой свисала гигантская колбаса, надъ которой красовалась вывѣска съ надписью въ стихахъ: „Что эта колбаса среди другихъ колбасъ, то и нашъ государь среди другихъ государей“. Фридрихъ Вильгельмъ распорядился, чтобы гигантскую колбасу сняли и отдали на съѣденіе школьникамъ, а плакатъ онъ выпросилъ себѣ на память, помѣстивъ таковой въ свой музей всякихъ курьезовъ.

Въ другомъ родѣ былъ эпизодъ съ императоромъ

Вильгельмомъ. Однажды онъ прибылъ на какую-то провинціальную сельско-хозяйственную выставку. У входа на выставку императора встрѣтилъ бургомистръ, окруженный сонмомъ провинціальныхъ властей. Бургомистръ крѣпко-накрѣпко заучилъ превосходную привѣтственную рѣчь, но отъ волненія несчастный никакъ не могъ вспомнить что нибудь изъ нея, кромѣ первой фразы:

— Многія тысячи привѣтствуютъ васъ, государы!

Покрахтѣвъ и помявшись, бургомистръ повторилъ эту же фразу во второй, въ третій, наконецъ въ четвертый разъ. Тогда императоръ не выдержалъ и отвѣтилъ:

— Отлично, отлично, милый бургомистръ! Премного благодарю васъ! Передайте пожалуйста мою благодарность всѣмъ поздравителямъ, но только каждой тысячѣ порознь!

СЛОВА ЛЮБВИ.

Есть прелесть иногда въ несказанныхъ словахъ,
Когда ихъ дерзкій взглядъ такъ громко называется.
Слова тѣ видятъ всѣ, немногіе читаютъ—
Диктуютъ ихъ любовь и злой ревнивца страхъ.

* * *

Въ словахъ тѣхъ мало буквъ, но смыслъ краснорѣчивый
И грозная порой сверкаетъ глубина.
Тотъ Крезъ, кто не допилъ бокаль любви бурливый,
Вдвойнѣ богаче тотъ, кто разъ допилъ до дна.

* * *

Такъ на сѣдыхъ камняхъ египетской руины
Начертанный рѣзцомъ священный іероглифъ
Прочтеть, ему дивясь, одинъ его калифъ
И мертвыхъ вѣщихъ словъ постигнетъ смыслъ старинный.

* * *

Узорный караванъ сплетеній прихотливыхъ,
Безмолвный строй значковъ—гранитныхъ мертвецовъ
Разскажетъ мудрецу о тайнахъ горделивыхъ
Египетскихъ царей и пламенныхъ жрецовъ.

Д. Гарнишевскій.

„Въ чемъ счастье женщины?“

Миніатюра Г. Вега.

— И вы способны рѣшиться на это?—спросилъ больной, приче́мъ его блѣдное лицо слегка порозѣвѣло.—Вы могли бы связать свою юную, прекрасную жизнь съ моей, выдти за меня замужъ, зная заранѣе, что я смогу дать вамъ только кровъ и искреннюю дружбу?

— Да!—твердо отвѣтила дѣвушка, и очаровательная улыбка скользнула на ея лицѣ.

— И вы... и ты никогда не раскаешься въ принесенной жертвѣ?

Гелла сердечно пожала протянутыя къ ней руки больного.

„Жертва?“

Она взглянула на больного и потомъ унеслась взоромъ въ даль. Развѣ она собиралась принести жертву? И невольно ей вспомнилась вся прожитая жизнь, богатая горемъ и разочарованіями.

Безрадостное дѣтство безъ матери, сбѣжавшей съ другимъ, и безграничная строгость отца, музыканта, который никакъ не могъ выбиться изъ рядовъ посредственностей и умеръ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда счастье улыбнулось ему. Послѣ его смерти Гелла осталась совершенно необезпеченной; но она вѣрила въ свой талантъ и стойко вступила въ борьбу съ жизнью. Она давала уроки музыки, чтобы учиться самой, и, когда впервые выступила предъ публикой, даже ея профессора были поражены, какой красоты и мощи достигъ ея голосъ!

Какъ прекрасенъ былъ этотъ краткій періодъ удачи, когда на Геллу со всѣхъ сторонъ сыпались ангажементы. И вдругъ все было кончено: она потеряла голосъ!..

Когда-то, во времена самой суровой нужды, Гелла снимала комнату у бѣдной женщины, младшій сынъ которой былъ крестникомъ дѣвушки. Получивъ извѣстіе, что ея крестникъ умеръ отъ дифтерита, Гелла побѣжала къ своей бывшей квартирной хозяйкѣ, чтобы утѣшить несчастную мать и положить цвѣтовъ на гробикъ малютки. Она заразилась и вскорѣ заболѣла сама очень тяжелой формой дифтерита. Пришлось сдѣлать сѣченіе горла. Когда же она выздоровѣла, когда изъ тьмы горячечнаго

бреда она снова очнулась къ жизни, отъ ея голоса не осталось и слѣда.

Какъ перенесла это Гелла? Она не была склонна на громкія изліянія какъ радости, такъ и горя. Но ей понадобилось много лѣтъ, чтобы оказаться въ состояніи думать безъ горечи объ утраченномъ. Ей повезло, она получила много уроковъ; съ внѣшней стороны ея жизнь устроилась, и одного только нехватало ей — истинной, беззавѣтной любви.

Пріѣхавъ отдохнуть въ это уединенное горное дачное мѣсто, Гелла среди многихъ другихъ милыхъ людей встрѣтила Гюнтера Равенштейна, несчастнаго калѣку, который уже давно не владѣлъ ногами, хотя его родители, люди очень богатые, сдѣлали все, чтобы вылечить его.

Гелла чисто матерински привязалась къ Гюнтеру, и ей казалось, что теперь она нашла ту великую жизненную задачу, о которой всегда мечтала. А онъ называетъ это жертвой?

Вдругъ Геллѣ вспомнился другой человѣкъ, пѣвецъ, такой же здоровый и красивый, какъ она. Они были знакомы совсѣмъ недавно, но Гелла знала, что онъ хочетъ видѣть ее своей женой. А ее пугала жизнь съ нимъ! Она вѣдь съ такимъ трудомъ обрѣла миръ своей душѣ, между тѣмъ ему предстоялъ длинный, суровый путь борьбы за существованіе, и, живя его жизнью, она неминуемо снова должна будетъ переиспытать все то, что уже было позади нея. Поэтому она бѣжала отъ него сюда и случайно нашла здѣсь то, къ чему стремилась, а именно друга, такого же умудреннаго горькимъ опытомъ, какъ и она сама, нашла человѣка, съ которымъ жизнь будетъ полна мира и красоты исполненнаго долга..

* * *

Подъ вечеръ, когда они снова сидѣли вмѣстѣ, къ нимъ подошла молодая дама, которую Гелла особенно любила за ея веселость и которую она посвятила въ свои намѣренія. Пятилѣтній сынишка этой дамы, очень развитой, подвижной мальчуганъ, какъ и всегда, умильно ласкался къ дѣвушкамъ, съ наслажденіемъ отдаваясь мягкому прикосновенію ея рукъ.

Вдругъ Гелла шутливо сказала ему:

— Не правда ли, мальчуганъ, когда тетя Гелла

уѣдетъ отсюда, ты отправишься съ нею? Я такъ хотѣла бы хоть денечекъ быть твоею мамой!

Мальчуганъ пылливо посмотрѣлъ на дѣвушку и серьезно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, тетя Гелла, каждый ребенокъ долженъ оставаться у своей мамы, а иначе нельзя! Тебѣ нужно выдти замужъ, тогда у тебя будутъ дѣти! Вѣдь такъ, мама?

„Дѣти?“

Всѣхъ троихъ охватило сильное смущеніе. Мать поспѣшно схватила мальчика за руку и торопливо увела его, оставивъ Геллу и Гюнтера въ сильномъ замѣшательствѣ.

Теперь Гелла не могла даже взоръ поднять на больного, и, несмотря на всю свою сердечную симпатію къ нему, не была въ состояніи сказать хоть что нибудь, способное разсѣять напряженную атмосферу. Ея душа была мощно потрясена неожиданно нахлынувшими мыслями, и вскорѣ она встала и ушла подъ первымъ попавшимся предлогомъ.

Гюнтеръ понялъ, что заставило ее уйти. Онъ видѣлъ, что Гелла сразу прозрѣла и поняла, насколько только что ошибалась. Развѣ можетъ женщина пожертвовать тѣмъ, что составляетъ все ея счастье? Развѣ можетъ она отказаться отъ истинной любви съ ея дивными плодами, въ которыхъ осуществляется все женское призваніе?

Дѣти!.. Да, слова мальчика заставили Геллу понять, что, собираясь связывать себя съ Гюнтеромъ, она дѣйствительно приносила непосильную жертву. Вѣдь она не была ни святой, ни мученицей, а просто женщиной—здоровой женщиной, готовой радостно отдаться общеженской судьбѣ.

На другой день Гюнтеръ уѣхалъ, отклонивъ всякое объясненіе съ дѣвушкой. Вскорѣ уѣхала и Гелла, но предъ отъѣздомъ она послала письмо тому, другому—безумному, радостному, здоровому:

„Я нашла въ себѣ силы бороться рядомъ съ тобою, возлюбленный мой! Благодаря чему—я объясню тебѣ лично. И если ты такъ же относишься ко мнѣ, какъ и прежде, завтра я буду дома... дома, у тебѣ!“

МЕРТВЕЦЪ.

Эскизъ М. Эрастова.

— „Ха-ха-ха! Что, вамъ смѣшно, какъ стучать мои кости? О, и вы вѣдь будете тоже трупами, какой теперь я. Вамъ смѣшно! Хотите, я расскажу вамъ мою исторію. Она вѣдь тоже смѣшная. Смѣшная! Ха-ха-ха! Былъ я тоже человѣкомъ — такимъ человѣкомъ, который вѣчно суетится и чего-то хочетъ. Ха-ха-ха! Былъ я женатъ... на красавицѣ, которая сводила съума многихъ, какъ свела и меня. Ха-ха-ха! Она говорила мнѣ всегда, что любить меня, говорила, клялась и... убѣжала съ другимъ. Я былъ тогда не трупъ, кости не стучали у меня. Былъ я здоровъ и молодъ, и я нагналъ ихъ. У меня были большіе, здоровые кулаки, а у него... ха-ха-ха... маленькій револьверъ. И онъ убилъ меня... убилъ, и вотъ я сталъ холоднымъ трупомъ, и стучать мои кости. Стучать, стучать... Ха-ха-ха-ха!“.

— Баринъ, баринъ! вставайте! Несчастье у насъ случилось, несчастье.

Старая нянька теребила его за плечо.

Онъ поднялся, протирая заспанные глаза и все еще находясь подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна.

— Баринъ! Барыня убѣжала. Вещи всѣ разбросались. И письмо ихнее безъ конверта брошено. Петръ говоритъ, что по Большаковской дорогѣ съ полюбовникомъ своимъ, помѣщикомъ-бариномъ Вязигинымъ, убѣжала. На нашей тройкѣ, говоритъ, догнать ихъ можно.

— На тройкѣ?.. догнать, убѣжала, по дорогѣ? — бормоталъ онъ безсмысленно, но, придя въ себя, сердито крикнулъ на няньку: — и пусть ее бѣжитъ! Пусть!.. Дудки-съ! У меня большіе кулаки, а у него маленькій револьверъ. Не хочу стать на самомъ дѣлѣ трупомъ. Ха-ха-ха! Дудки!

И, повернувшись къ стѣнѣ лицомъ, онъ снова задремалъ на широкомъ, удобномъ диванѣ.

Бракъ по государеву указу.

Это было при императорѣ Павлѣ I, да пожалуй ни при комъ другомъ и не могло быть, такъ какъ скорѣ на рѣшенія былъ государь Павелъ Петровичъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1800 г., — сообщаетъ „Св.“, — нѣкая дѣвица, дочь портного Клоненбурга, по ея показанію, пожелала „утонуть“ отъ любви къ синодскому регистратору Александру Максиму, жильцу ея родителей, занимавшихся портняжнымъ дѣломъ. Для сего означенная дѣвица бросилась въ мутныя воды Мойки, но полицейскіе чины спасли ее отъ воды и представили матери. Рапортомъ донесено было спб. военному генералъ-губернатору, каковымъ былъ графъ Паленъ. Графъ донесъ о происшествіи Павлу I, а государь, ничтоже сумняшеся, положилъ резолюцію: „понеже въ обвинчаніи ея ничего я противнаго не вижу, то предоставляю вамъ (т. е. гр. Палену) оное вѣнчаніе совершить“. (Указъ данъ 10-го іюня).

Согласно высочайшей резолюціи, въ храмѣ Рождества Богородицы (нынѣ Казанскій соборъ) 11-го іюля явился оберъ-полиціймейстеръ Рачинскій, потребовалъ священника и, предъявивъ копію съ указа, приказалъ немедленно исполнить высочайшую волю. Священникъ привелъ было доводы о необходимости брачнаго обыска, но ему указали на высочайшую волю, и бракъ былъ совершенъ безъ малѣйшаго промедленія, какъ только доставили жениха и невѣсту. Рабы Божіи Андрей и Екатерина на сіе бракосочетаніе согласіе изъявили, ибо кто же бы рѣшился согласія не изъявить.

Между тѣмъ на дѣлѣ все было не такъ и женихъ Андрей Максимовъ „не имѣлъ склонности любить“ Екатерину, которая, пожелавъ „утонуть“ отъ любви къ нему, искупалась въ р. Мойкѣ.

Прошло два мѣсяца, Павелъ I „внезапно“... скончался, на престолъ вступилъ императоръ Александръ I, которому Максимовъ и принесъ всеподданнѣйшее прошеніе, призывая правосудіе и милость, да облегчатъ оныя несчастную судьбу его.

„Простри милосердый и чадолюбивый взоръ свой на погруженнаго въ отчаянье и повели сей бракъ развести“.

Началось дѣло о разводѣ. Императоръ Александръ I слышалъ и раньше объ этомъ „насильственномъ бракѣ“,

насиліе коего приписывалось своенравію государя Павла Петровича.

Святѣйшій синодъ однако рѣшилъ брака не расторгать, найдя, что кромѣ „несклонности его (Максимова) къ любленію жены своей и неимѣнію состоянія къ поддержанію оной „никакихъ причинъ болѣе не выставлялось и что при вѣнчаніи съ его стороны о нежеланіи бракосочетанія не заявлялось.

Однако рѣшеніе синода государя не удовлетворило. Государь хорошо видѣлъ, что всѣ предшествующія браку обстоятельства и его сопровождавшія ясно говорили, что согласія Максимова на бракъ дано не было.

Да наконецъ указывалось государемъ „участіе при бракосочетаніи полиціи есть“ такой признакъ принужденія, коего ничѣмъ опровергнуть невозможно и который одинъ составляетъ важное, противъ твердости сего брака, предубѣжденіе.

Указано было митрополиту Амвросію призвать къ себѣ „сію чету“ и... ну, понятно, „согласовать оныхъ“.

Но согласованія не послѣдовало.

Максимовъ не хочетъ продолжать съ нею супружество, Екатерина же отъ мужа не отказывалась.

Митрополитъ Амвросій, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, нашелъ, что „въ силу законовъ“ бракъ можетъ быть расторгнутъ, но боясь, что Екатерина, „не предвидя для себя не токмо къ другому браку, но и къ самому прокормленію надежды, можетъ придти въ отчаянне и сдѣлать съ собою подобно прежнему пагубное насиліе“, предлагалъ разрѣшить вопросъ о разводѣ такъ. „Понеже“ Максимовъ, собственно, не хочетъ продолжать съ нею супружество болѣе отъ неимѣнія, чѣмъ себя съ женою содержать, „то просить государя императора пожаловать „изъ высочайшаго милосердія“ какую нибудь сумму, „съ обцадеживаніемъ“, что Максимова „опредѣлять къ выгоднѣйшей должности, нежели какова нынѣ“, при условіи, конечно, если онъ согласится продолжать супружество.

Максимовъ за тысячу рублей и „за обѣщаніе“ согласился на продолженіе брака и до самой смерти своей все надѣялся на повышение, но такъ такового и не получилъ.

„ДЖИПСИ“.

Разсказъ М. Ф. Караулова.

I.

Его превосходительство Сергѣй Валерьяновичъ Атуровъ въ это лѣто не поѣхалъ за границу, какъ обыкновенно дѣлалъ въ предыдущіе годы, но нанялъ дачу вблизи Петербурга, на одномъ изъ Острововъ, что давало ему возможность не только не торопясь отправляться на службу, но и пользоваться всѣми столичными удовольствіями, до которыхъ онъ все еще былъ большимъ охотникомъ.

Сергѣю Валерьяновичу только что минуло сорокъ лѣтъ и, несмотря на свой сравнительно еще не старый возрастъ, онъ уже давно былъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ этомъ году, предъ Пасхою, получилъ новое, еще высшее, назначеніе. Это-то послѣднее обстоятельство и заставило его не воспользоваться ежегодно даваемымъ ему отпускомъ и остаться въ Петербургѣ.

Сергѣй Валерьяновичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранниковъ судьбы, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ окружены всевозможными попеченіями и для которыхъ служебная карьера является лишь триумфальнымъ шествіемъ.

Окончивъ курсъ въ одномъ изъ привилегированныхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, онъ сразу почувствовалъ почву подъ своими ногами, иначе говоря, сталъ на рельсы и... покатился по нимъ, какъ и многіе другіе, ему подобные, баловни судьбы.

Свѣтскаго общества Атуровъ не любилъ даже и въ молодости, когда многіе изъ его сверстниковъ изъ силъ выбивались лишь для того, чтобы попасть въ какой нибудь изъ великосвѣтскихъ салоновъ, въ надеждѣ на дальнѣйшее успѣшное движеніе вверхъ по іерархической лѣстницѣ.

Лично въ этомъ Атуровъ, не будучи карьеристомъ, врядъ ли нуждался, тѣмъ болѣе что двери этихъ салоновъ благодаря его рожденію, прежнимъ его семейнымъ связямъ и состоянію были всегда широко раскрыты для него.

Правда, съ недавнихъ поръ въ обществѣ стали ходить слухи о его близкихъ отношеніяхъ къ одной увядающей, но все еще обаятельной свѣтской львицѣ; говорили, что изъ-за нея кто-то кого-то еще недавно убилъ на дуэли. а, можетъ быть, и

самъ застрѣлился отъ безнадежной любви къ ней, но такъ какъ это предполагаемое событіе случилось не въ Петербургѣ, а за границей, гдѣ-то на морскихъ купаньяхъ въ Биаррицѣ или Остендѣ, то великосвѣтскія кумушки крайне волновались, не имѣя возможности заручиться болѣе точными подробностями. Однако Сергѣй Валерьяновичъ не обращалъ на всѣ ихъ измышленія ровно никакого вниманія и попрежнему оставался корректнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, увѣреннымъ, что въ высшихъ сферахъ, какъ должно, поймутъ и оцѣнятъ его безкорыстную государственную дѣятельность.

Чуждаясь свѣтскихъ гостинныхъ, Сергѣй Валерьяновичъ тѣмъ не менѣе не чуждался такъ называемой золотой молодежи и даже въ настоящее время, несмотря на лѣта и высокій чинъ, оставался все тѣмъ же беззаботнымъ папишономъ, какимъ былъ въ молодости. Онъ очень любилъ балетъ, не прочь былъ и отъ оперетки или игриваго фарса, всегда заканчивавшихся веселымъ ужинамъ, тройками и цыганами. Очень любилъ его превосходительство также дѣлать для моціона ежедневныя прогулки: зимою взадъ и впередъ по Морской улицѣ и Дворцовой набережной, а раннею весною или позднею осенью—на Стрѣлкѣ, во время же ежегодныхъ отпусковъ его можно было видѣть то въ Ниццѣ, то на пляжѣ какого нибудь моднаго курорта.

Вообще пословица „дѣлу — время, потѣхъ — часть“ никоимъ образомъ не могла относиться ко вновь назначенному директору департамента, дѣйствительному статскому совѣтнику Сергѣю Валерьяновичу Атурову, такъ какъ онъ вообще удѣлялъ очень мало времени для исполненія своихъ прямыхъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе онъ всегда считался весьма дѣльнымъ и полезнымъ чиновникомъ, и его новое назначеніе могло только подтвердить разъ навсегда составленное мнѣніе о немъ.

Что же еще сказать о Сергѣѣ Валерьяновичѣ? Ахъ, да, простите великодушно, вѣдь еще не описана его внѣшность.

Прежде всего надо сказать, что, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и весьма нерегулярный образъ жизни, Сергѣй Валерьяновичъ очень хорошо сохранился и во многомъ отсталъ отъ типа героевъ современныхъ романовъ: его всегда коротко остриженные волосы сохранили еще тотъ неопредѣленный цвѣтъ, который почему-то принято называть пепельнымъ, и только на вискахъ начали немного серебриться; на тѣхъ же вискахъ появились и предательскія морщинки, которыхъ такъ боятся женщины, достигнувшія балъзаковского возраста. Его усамъ, ежедневно реставрируемымъ щипцами и бинтомъ, могъ позавидовать бы любой германскій офицеръ, старающійся во всемъ подражать своему монарху, а стройная талія и твердая походка не до-

пускали и мысли о необходимости леченія на какихъ бы то ни было минеральныхъ водахъ. Въ общемъ на женщинъ Атуровъ долженъ былъ производить самое благопріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что всегда одѣвался у одного изъ лучшихъ портныхъ, заказывалъ обувь тоже не у сапожниковъ-деллетантовъ и носилъ исключительно англійскія шляпы. Прибавьте ко всему этому четырехугольный монокль въ золотой оправѣ въ правомъ глазу, и фигура дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Валерьяновича Атурова встанетъ предъ вами, какъ живая.

II.

Поселившись на дачѣ, Сергѣй Валерьяновичъ зажилъ своей прежнею городскою жизнью, такъ какъ благодаря пароходамъ и трамваямъ могъ всегда быть тамъ, гдѣ ему надо. Къ тому же онъ очень любилъ прогулки пѣшкомъ; пріятно, располагая временемъ, онъ даже намѣтилъ себѣ цѣль прогулки, очень часто шелъ туда не по кратчайшему разстоянію, а по тому, которое въ данный моментъ представлялось ему наиболѣе пріятнымъ.

То же самое случилось съ нимъ, когда онъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней, послѣ легкаго, или, какъ онъ называлъ, предварительнаго завтрака, намѣреваясь проѣхать къ одному изъ своихъ пріятелей, проживавшему въ Павловскѣ, отпраившись на пароходную пристань не прямымъ, но кружнымъ путемъ черезъ Елагинъ островъ.

День былъ томительно жаркій, солнце, кажется, забыло, подъ какимъ градусомъ широты и долготы находится невская столица, и начало палить несчастныхъ петербуржцевъ чисто по-африкански. Но это нисколько не удержало его превосходительства отъ разъ принятаго имъ намѣренія, и онъ чувствовалъ себя очень хорошо въ легкомъ фланелевомъ костюмѣ.

Онъ шелъ по Островамъ, съ удовольствіемъ вдыхая въ себя полный нѣжной истомы воздухъ, пропитанный смолистымъ запахомъ хвойныхъ деревьевъ и свѣжей, только что скошенной травы. Безпечно помахивая своей тросточкой, онъ, забывъ лѣта и классъ, вдругъ сталъ напѣвать почему-то пришедшій ему на память и давно уже позабытый имъ романсъ:

Sorrente, Sorrente,
Sur la grève adorante
Les fleurs en toutes saisons
Cachent une humble maison.
Sorrente, Sorrente,
Dans la maison riante

Est celle à qui le chanteur
En partant laissa son coeur *)“.

При послѣднихъ словахъ Атуровъ вдругъ остановился, стараясь припомнить, гдѣ собственно онъ слышалъ этотъ романсъ.

Ахъ, да, онъ слышалъ его много лѣтъ тому назадъ именно въ Сорренто, но почему же ему здѣсь, на берегахъ Финскаго залива, вдругъ вспомнились въ этотъ жаркій лѣтній день далекая Италія и маленькій городокъ, затерявшійся среди апельсиновыхъ рощъ на берегахъ чуждаго ему моря?

Невольно въ памяти Атурова воскресли эти давно минувшіе дни, безвозвратно прошедшая молодость и хорошенькая женская головка, обрамленная цѣлою копною каштановыхъ волосъ, ласково улыбающееся ему личико съ задумчивыми темно-сѣрыми глазами, нѣсколько напоминавшими цвѣтъ вороненой стали, и... маленькая обезьянка „Джинси“, ни на шагъ не отстававшая отъ своей владѣлицы.

Да, давно, очень давно это было и теперь отошло въ область воспоминаній, возбуждающихъ въ человѣкѣ только чувство жгучей боли да тоски о быломъ.

Атуровъ всю свою жизнь прожилъ безъ тревогъ и волненій; даже чувство любви ему было знакомо лишь настолько, чтобы не нарушить его душевнаго равновѣсія, и вдругъ теперь, на пути къ старости, ему вспомнились Сорренто и юношеское увлеченіе. Оно тогда мимолетно промелькнуло предъ нимъ и было забыто, какъ маленькая тучка на совершенно безоблачномъ небосклонѣ. Теперь же здѣсь, въ аллеяхъ Елагина острова, это воспоминаніе показалось ему почему-то дорогимъ и воскресшимъ въ его памяти, словно подъ вліяніемъ чьей-то чужой воли.

Но что же случилось съ нимъ чуть ли не два десятка лѣтъ тому назадъ?

III.

Разставшись съ шитымъ золотомъ мундиромъ своего учебнаго заведенія и треуголкой, Сергѣй Валерьяновичъ сразу преобразился въ весьма изящнаго манекена отъ Тедески *), причемъ былъ награжденъ чиномъ титулярнаго совѣтника и причисленъ къ одной изъ канцелярій, предназначенной для наискорѣйшаго подготовленія къ государственной дѣятельности. Но онъ былъ до того утомленъ экзаменами, а затѣмъ официаль-

*) Сорренто, Сорренто, на твоёмъ чудномъ прибрежьи цвѣты во всё время года скрываютъ скромный домикъ. Сорренто, Сорренто, въ этомъ улыбающемся домикѣ живетъ та, которой пѣвецъ уѣзжая оставилъ свое сердце.

**) Извѣстный петербургскій портной.

ными и неофициальными торжествами по случаю благополучнаго окончанія курса, что обязательно нуждался въ отдыхѣ, и потому посѣпилиъ взять отпускъ и уѣхать за границу.

Его мать ничего противъ этого не имѣла и даже находила вполне естественнымъ, что молодому человѣку, обремененному столь многообразными познаніями, необходимо разсѣяться.

Получивъ необходимыя для заграничной поѣздки деньги, Сергѣй Валерьяновичъ прямо черезъ Вѣну направился въ Ниццу, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ княжествѣ Монако; но онъ не былъ созданъ для сильныхъ ощущеній и, безцѣльно прослониавшись нѣсколько дней по роскошнымъ игорнымъ заламъ Монте-Карло, ограничился проигрышемъ нѣсколькихъ десятковъ луидоровъ, послѣ чего съ облегченнымъ сердцемъ уѣхалъ на родину Данте, Микель Анжело и Рафаэля.

Его нисколько не интересовали ни итальянскія картинныя галереи, ни кладбища съ ихъ мраморными мавзолеями, ни развалины Колизея, ни арка Траяна, ни погребенные подъ пепломъ и лавой Геркуланумъ и Помпея; онъ, какъ и большинство нашихъ соотечественниковъ, искалъ лишь одного: развлеченій и развлеченій, красивыхъ женскихъ головокъ и добраго стараго вина, собраннаго съ лозъ благодатной Кампаньи.

Судьба совершенно случайно забросила его въ Сорренто, и здѣсь онъ задержался до самаго окончанія своего отпуска. Конечно у него были на то свои личныя, весьма уважительныя причины: здѣсь онъ познакомился съ семействомъ графовъ Любоховскихъ, состоявшимъ изъ старой графини-матери и двухъ ея дѣтей — дочери Регины, хорошенькой двадцатилѣтней вдовушки, и года не прожившей замужемъ, и сына-подростка, графа Ксаверія, послѣдняго отпрыска своего рода. Любоховскіе когда-то были богаты, но окончательно разорились въ послѣднее польское возстаніе, въ которомъ графъ Казиміръ Сигизмундовичъ Любоховскій принималъ весьма дѣятельное участіе. За это ему грозила ссылка въ сибѣра далекой Сибири, но онъ бѣжалъ во Францію, широко раскрывшю тогда свои двери для всѣхъ польскихъ эмигрантовъ, а всѣ его большія имѣнія по ту сторону Вислы были конфискованы.

Нельзя сказать, чтобы жизнь въ Парижѣ въ послѣдніе годы имперіи особенно улыбалась графу Казиміру, тѣмъ болѣе что ни къ какому труду способностей у него не было, потребности же для поддержанія своего гонора были немалыя. Тѣ деньги, которыя еще оставались въ его распоряженіи, были уже на исходѣ, какъ вдругъ разгорѣлась франко-прусская война, и побѣдоносныя германскія войска подступили къ республикан-

скому Парижу. Тогда графъ Любоховскій, вѣрный своимъ старымъ республиканскимъ традиціямъ, сталъ въ ряды защитниковъ своего новаго отечества и при одной вылазкѣ былъ тяжело раненъ въ грудь, гдѣ-то поблизости форта Монъ - Валерьяна.

Раненаго поляка, пріютили въ домѣ богатаго коммерсанта Дюмуре; дочь послѣдняго Тереза приняла на себя обязанности сестры милосердія, и въ концѣ концовъ, когда Парижъ, послѣ ужасовъ тяжелой осады, началъ возвращаться къ своей повседневной шумной жизни, тридцатипятилѣтній графъ Казиміръ Любоховскій женился на дочери богатаго владѣльца нѣсколькихъ канатныхъ фабрикъ, Терезѣ Дюмуре.

Почувствовавъ наконецъ благодаря этой выгодной женитьбѣ снова почву подъ своими ногами, графъ съ радостью принялся за свой прежній образъ жизни, который онъ велъ, живя еще въ Варшавѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Польское возстаніе перевернуло вверхъ дномъ всю эту жизнь, но теперь у него въ деньгахъ недостатка опять не было и ему надо было только торопиться наверстать потерянное время.

Графъ началъ появляться въ фешенебельныхъ парижскихъ клубахъ, увлекаясь биржевою игрою, завелъ скаковыхъ лошадей, и если бы смерть своевременно не вмѣшалась въ его финансовыя операціи, то онъ вѣроятно поставилъ бы свою семью въ крайне тяжелое матеріальное положеніе. Однако онъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія наслѣдника своего имени—графа Ксаверія,—и благодаря этому его вдова не могла жаловаться на недостатокъ средствъ, хотя старику Дюмуре стоило немало труда и денегъ для того, чтобы окончательно привести въ порядокъ денежныя дѣла своей дочери.

Послѣ смерти своего легкомысленнаго супруга графиня Тереза недолго горевала о немъ и всецѣло посвятила себя воспитанію дѣтей, надѣясь подумать о своемъ личномъ счастьѣ только тогда, когда графиня Регина выйдетъ замужъ, а графъ Ксаверій сдѣлается вполне самостоятельнымъ человѣкомъ. Но въ этихъ заботахъ прошло немало времени, и, когда на девятнадцатомъ году графиня Регина дѣйствительно вышла за атташе итальянскаго посольства въ Парижъ, маркиза Менотти Аничетти, а сынъ уже давно былъ переданъ на попеченіе гувернера, графиня Тереза съ ужасомъ замѣтила, что ей стукнуло ровно сорокъ!

О, этотъ ужасный предѣльный женскій возрастъ, когда трудно уже думать о новыхъ увлеченіяхъ, о какомъ нибудь своемъ личномъ счастьѣ, когда все—въ прошломъ!..

Графиня Тереза, какъ женщина благоразумная, рѣшила отказать отъ мечты объ эфемерномъ счастьѣ, хотя нѣкоторые злые языки и утверждали, что она нашла его въ лицѣ гувернера своего сына, изящнаго сорокапятилѣтняго брюнета, носившаго старую бретонскую дворянскую фамилію де ла Баррьеръ, прославившую себя вѣрностью королевскому дому во времена вандейскаго возстанія. Къ сожалѣнію судьба принудила потомка этихъ честныхъ и самоотверженныхъ сторонниковъ несчастнаго короля Людовика XVI въ концѣ концовъ посвятить себя педагогической дѣятельности, такъ какъ хотя онъ и служилъ до окончанія франко-прусской войны въ знаменитыхъ *chasseurs d'Afrique* *), но его семейныя традиціи не позволяли ему продолжать службу подъ знаменами третьей республики, ренты же у него никакой не было. О его отношеніяхъ къ графинѣ Терезѣ злые языки утверждали, что они много способствовали ея настойчивому желанію какъ можно скорѣе выдать свою дочь замужъ, хотя бракъ съ маркизомъ Аничетти едва ли обѣщалъ много счастья молодой дѣвушкѣ.

IV.

Своими вкусами и легкомысленнымъ отношеніемъ къ жизни маркизъ Менотти Аничетти во многомъ напоминалъ своего покойнаго тестя; только у него не было того размаха, который составляетъ исключительную принадлежность славянской натуры.

Въ то время какъ графъ Казиміръ Любоховскій, еще будучи бѣднымъ польскимъ эмигрантомъ, спокойно ставилъ на карту свою послѣднюю тысячу франковъ, маркизъ страшно нервничалъ при малѣйшемъ проигрышѣ и ту же самую нервность проявлялъ и на скачкахъ, въ которыхъ участвовали его лошади. Что касается игры на биржѣ, то въ ней онъ не принималъ никакого участія, считая это несовмѣстимымъ со своимъ дипломатическимъ званіемъ.

Не прошло и года послѣ его женитьбы на графинѣ Регинѣ, какъ онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, простудившись на охотѣ, устроенной самимъ президентомъ французской республики, нынѣ давно уже покойнымъ, Феликсомъ Форомъ, и по совѣту докторовъ долженъ былъ поѣхать на югъ Франціи. Но такъ какъ продолжительное леченіе все равно не позволяло ему оставаться при посольствѣ, то онъ предпочелъ вернуться къ себѣ

*) Африканскіе конные егеря, прославившіе себя не только въ Африкѣ, но и на поляхъ Франціи.

на родину и поселиться на своей небольшой виллѣ въ Сорренто.

За нимъ послѣдовала, кромѣ маркизы Регины, и ея мать съ сыномъ и его гувернеромъ, хотя старикъ Дюмурье очень возставалъ противъ подобной поѣздки.

Этотъ отъѣздъ графини Терезы и неудовольствіе ея отца какъ бы подтверждали ранѣ ходившіе слухи о ея отношеніяхъ къ гувернеру, но во всякомъ случаѣ, надо имъ отдать справедливость, оба они держали себя всегда корректно, и врядъ ли даже маркиза Регина или ея мужъ — люди, наиболѣе близко стоявшіе къ нимъ, — могли заподозрѣть ихъ въ чемъ либо.

Что же касается де ла Баррьера, то онъ съ первыхъ же дней своего знакомства съ маркизомъ Аничетти очень поправился послѣднему, и они оставались большими друзьями до самой смерти маркиза, которая послѣдовала съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ его переселенія въ Сорренто: онъ умеръ отъ скоротечной чахотки, умеръ спокойно, сидя въ креслѣ у окна своего кабинета и любуясь на разстилавшееся предъ его глазами лазоревое море, далекое, беспредѣльное, какъ вѣчность.

Послѣ смерти маркиза Менотти Аничетти все его состояніе по духовному завѣщанію переходило къ его женѣ, маркизѣ Регинѣ, рожденной графинѣ Любоховской, и исполнителемъ его послѣдней воли былъ имъ назначенъ отставной лейтенантъ французской службы виконтъ де ла Баррьеръ.

Только при вскрытіи духовнаго завѣщанія графиня Тереза узнала, что гувернеръ ея сына тоже имѣетъ право на титулъ, но не пользуется имъ изъ весьма понятнаго самолюбія.

На семейномъ совѣтѣ, въ которомъ конечно принималъ участіе и душеприказчикъ, было рѣшено все время траура провести въ Сорренто и уже затѣмъ, ликвидировавъ въ Италіи всѣ свои денежные дѣла, окончательно переселиться обратно въ Парижъ. на чемъ особенно настаивалъ старикъ Дюмурье.

Вотъ въ эти-то дни Сергѣй Валерьяновичъ и познакомился съ семействомъ графа Казимира Станиславовича Любоховскаго.

Какъ хороша была маркиза Регина въ своемъ скромномъ траурномъ платьѣ! какою тихою грустью звучалъ ея нѣжный голосъ! съ какою привѣтливою ласкою смотрѣли на Атурова ея темно-сѣрые глаза, окаймленные длинными черными рѣсницами!.. И какъ быстро прошелъ тогда для него этотъ мѣсяцъ, проведенный въ Сорренто!

Теперь, черезъ много лѣтъ, опять въ его ушахъ прозвучалъ ея прощальный привѣтъ, когда онъ предъ своимъ отъѣздомъ зашелъ на ихъ виллу и провелъ тамъ цѣлый вечеръ.

Старая графиня по обыкновенію занималась дѣлами съ ду-

шеприказчикомъ своего покойнаго зятя, графъ Ксаверій, пользуясь данной ему свободой, куда-то исчезъ изъ дома, и молодые люди были предоставлены самимъ себѣ.

О чемъ они говорили? На школьномъ языкѣ это называется повтореніемъ пройденнаго, но на языкѣ любви это имѣетъ что-то такое, что доставляетъ неизъяснимое блаженство!

И какъ ласково напутствовала Атурова маркиза Регина, стоя на своей террасѣ, когда онъ уже направлялся къ себѣ домой:

— Смотрите же, пишите, не забывайте въ своей холодной Россіи нашего маленькаго Сорренто!.. Посмотрите, какъ все здѣсь полно жизни и нѣги, а у васъ тамъ, среди вашихъ вѣчныхъ снѣговъ, говорятъ, и сама любовь замерзаетъ!

Тихо шептались между собою угрюмые кипарисы, воздухъ былъ пропитанъ одуряющимъ запахомъ померанцевъ, вдали тихо рокотало неостывшее еще отъ знойнаго дня южное море, а Сергій Валерьяновичъ торопился къ себѣ въ Петербургъ, въ свою канцелярію, чтобы запрячь себя въ ту лямку, которую тянутъ многія сотни тысячъ людей, думая, что только въ этомъ и заключается назначеніе человѣка.

Но почему же здѣсь, на Елагиномъ островѣ, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ этомъ прощальномъ свиданіи и о хорошенькой женской головкѣ съ каштановыми волосами и темно-сѣрыми глазами, ему вдругъ припомнилась „Джипси“, пользовавшаяся, правда, большимъ расположеніемъ своей хозяйки.

О, эта „Джипси“! что это было за уморительное и смышленное созданіе! право, инстинктъ животныхъ не только замѣняетъ имъ иногда разсудокъ, но очень часто дѣлаетъ ихъ сообразительнѣе человѣка, считающаго себя вѣнцомъ творенія.

На однихъ изъ гостей „Джипси“—обезьянка—злбно щелкала зубами, къ другимъ относилась совершенно безразлично, но при появленіи Атурова прямо протягивала къ нему свою руку, зная, что у него всегда припасено для нея какое нибудь лакомство. Когда же въ дѣйствительности въ ея рукѣ оказывался какой нибудь пакетикъ, то она, прежде чѣмъ приступить къ его разсмотрѣнію, лукаво взглядывала на свою хозяйку, словно желая сказать ей:

— Я вѣдь очень хорошо понимаю, что все это дѣлается для тебя, а не для меня!..

V.

Разсказываютъ, что когда человѣкъ утопаетъ, то въ его памяти, уже предъ самой смертью, возстаетъ его прежняя жизнь и предъ нимъ быстро, какъ стекла въ калейдоскопѣ, мѣняются и проходятъ картины минувшаго.

Теперь то же самое случилось съ жизнерадостнымъ Сергѣемъ Валерьяновичемъ, и отчего? только оттого, что ему случайно пришли на память слова романса, конецъ котораго онъ теперь даже и забылъ:

„Sorrente, Sorrente,
Sur ta grève.adorante“...

Совершенно машинально Атуровъ перешелъ по Елагину острову на Крестовскій островъ и направился къ пароходной пристани, но какъ разъ угрюмый финляндецъ *) отошелъ отъ пристани почти предъ самымъ его носомъ.

Такъ какъ днемъ пароходы отходятъ не часто, а торопиться въ Павловскъ Атурову положительно было нечего, то онъ и рѣшилъ позавтракать въ первомъ же попавшемся ему ресторанѣ. Къ тому же на горизонтѣ показалась темная туча, и легкій вѣтерокъ, пробѣжавъ по погруженнымъ въ полуденную истому деревьямъ, зашевелилъ ихъ листьями. Надо было ожидать грозы, такъ какъ въ воздухѣ сильно парило съ самаго утра и дышать положительно было нечѣмъ.

Направляясь отъ пароходной пристани къ ресторану, Сергѣй Валерьяновичъ снова вернулся къ своимъ воспоминаніямъ о безвозвратно протекшемъ времени.

Исполнилъ ли онъ просьбу маркизы, писалъ ли ей? Да, болѣе года они были въ перепискѣ, то есть во все время траура, но потомъ маркиза увѣдомила его, что съ нетерпѣніемъ ждетъ дня своего переѣзда въ Парижъ, а тамъ письма стали все рѣже и рѣже, короче и короче... Говоря по совѣсти, Атуровъ и самъ теперь не помнилъ, кто первый прервалъ эту переписку, сознавъ ея полную бесполезность.

Тѣмъ и кончился у него этотъ первый романъ, почему-то вдругъ пришедшій ему на память, и онъ никогда больше не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, съ которыми когда-то проводилъ цѣлые дни въ небольшой соррентской виллѣ, сверху до низу увитой дикимъ виноградомъ.

Правда, года два спустя онъ прочелъ въ газетѣ „Фигаро“ о бракосочетаніи маркизы Аничетти съ какимъ-то венгерскимъ графомъ, но тогда онъ не обратилъ на это извѣстіе никакого вниманія и, отложивъ газету въ сторону, спокойно принялся за свой кофе. Нѣсколько поздне и все въ томъ же „Фигаро“ ему попалась замѣтка о какой-то богатой польской графинѣ въ почтенномъ уже возрастѣ вышедшей замужъ за гувернера своего сына. Замѣтка была написана въ игривомъ тонѣ,

*) Пароходы принадлежать финляндскому обществу.

и вѣроятно редакторъ не счелъ удобнымъ сообщить имена повобратныхъ, изъ уваженія ли къ графинѣ Терезѣ, или изъ опасенія шпaги виконта де ла Баррьера, а, быть можетъ, это было только простымъ совпаденіемъ обстоятельствъ.

Уже первыя крупныя капли дождя начали падать на землю, когда Атуровъ вошелъ въ какой-то совершенно незнакомый ему ресторанъ и потребовалъ себѣ карточку завтрака.

Въ рестораннымъ залѣ было пусто, за буфетной стойкой стоялъ полусонный буфетчикъ; два лакея, дремавшіе на стульяхъ при входѣ, съ салфетками въ рукахъ, при появленіи шикарно одѣтаго посѣтителя встрепенулись и оба разомъ бросились къ нему, но зато метръ-д'отель съ требуемымъ меню появился не особенно скоро: вѣроятно ему пришлось бѣгать за нимъ на кухню.

У кассы, низко склонившись надъ какимъ-то рукодѣльемъ, сидѣла кассирша, но Сергѣй Валерьяновичъ могъ только разсматрѣть цвѣтъ ея волосъ: они были каштановые, съ нѣсколько рыжеватымъ отливомъ. Впрочемъ, усаживаясь за столъ, онъ не обратилъ на нее никакого вниманія.

Окончивъ свой завтракъ, онъ спросилъ себѣ кофе и углубился въ чтеніе взятой имъ съ собою газеты, которую рассчитывалъ просмотрѣть въ вагонѣ по дорогѣ въ Павловскъ. Но теперь объ этой поѣздкѣ нечего было и думать, такъ какъ гроза разыгралась не на шутку и надѣяться на ея скорое прекращеніе было немислимо: положительно разверзлись всѣ хляби небесныя, молніи сверкали безпрестанно, озаряя ресторанный залъ, въ которомъ пришлось зажечь электричество, одинъ ударъ грома слѣдовалъ за другимъ. Сергѣю Валерьяновичу ничего болѣе не оставалось, какъ терпѣливо ждать умиротворенія развѣгравшихся стихій, и онъ прихлебывалъ маленькими глоточками свой кофе, углубившись въ газету.

— Ну, и погода сегодня! — проговорилъ буфетчикъ, очевидно обращаясь къ кому-то.

— Ужъ и не говорите! — раздался въ отвѣтъ ему мелодичное контральто. — А я, какъ на грѣхъ, и галоши-то оставила дома.

— Да вѣдь не цѣлыя же сутки будетъ продолжаться гроза, — продолжалъ буфетчикъ.

— Но грязь-то все-таки останется на улицѣ.

— А вы развѣ не знаете, что лѣтомъ дождь можетъ идти хоть цѣлыя сутки, а солнышко землю въ одинъ часъ высушить? — произнесъ буфетчикъ и, чтобы окончательно успокоить свою собесѣдницу, добавилъ: — вотъ увидите, что къ обѣду по-

года разгуляется, только дышать станетъ легче, а то утромъ положительно можно было очумѣть отъ жары!

Сергѣй Валерьяновичъ оторвался отъ газеты, взглянулъ на разговаривающихъ, да такъ и замеръ отъ изумленія: у кассы сидѣла „Джипси“, та самая „Джипси“, которую онъ только что вспоминалъ, прогуливаясь по тщательно расчищеннымъ и усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ Елагина острова.

При послѣднихъ словахъ буфетчика кассирша улыбнулась, показывая при этомъ рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ, а ея каріе глазки приняли то же самое лукавое выраженіе, съ которымъ „Джипси“ обращалась къ своей хозяйкѣ, когда была чѣмъ нибудь особенно довольна.

Очевидно ее нѣсколько разсмѣшило это вульгарное выраженіе „очумѣть“, но философъ-буфетчикъ повидимому придалъ этой улыбкѣ желательный для себя смыслъ и завелъ дѣловой разговоръ съ мейтръ-д'отелемъ.

Сергѣй Валерьяновичъ изъ-за своей газеты опять взглянулъ на дѣвушку и окончательно убѣдился, что она имѣетъ поразительное сходство съ обезьянкой маркизы Регины Анн-четти.

Его удивило такое странное совпаденіе обстоятельствъ: съ самаго утра онъ только и думалъ о Сорренто и о своемъ мимолетномъ оближеніи съ обворожительной вдовушкой, а тутъ вдругъ натолкнулся на новое напоминаніе о томъ же отдаленномъ событіи! И вѣдь хотя бы было на то какое нибудь основаніе, а то ровно никакого: Богъ вѣсть почему, вспомнились давно не приходившія ему на память слова романа: „*Sorrente, Sorrente, sur ta grève adorante*“, — а тамъ и пошло, и пошло!

Вѣдь чуть не день за днемъ пронеслись сегодня въ его памяти эти картины давно минувшаго времени, начиная отъ первой встрѣчи съ маркизой и кончая столь памятнымъ ему послѣднимъ вечеромъ, ея стройная фигура, вся залитая зеленоватымъ дуннымъ сіяніемъ, обвитая дикимъ виноградомъ терраса, лавры и кипарисы, одуряющій запахъ померанцевыхъ деревьевъ и отдаленный рокотъ морского прибоя. А тутъ еще въ совершенно незнакомомъ ему ресторанѣ предъ нимъ предстала живая „Джипси“, да еще съ голосомъ, напоминавшимъ голосъ маркизы Регины.

Сергѣй Валерьяновичъ, не будучи человѣкомъ суевѣрнымъ, все же увидѣлъ въ этомъ нѣчто для себя фатальное, но тѣмъ не менѣе, уходя изъ ресторана, не могъ удержаться отъ желанія поклониться кассиршѣ, чтобы еще разъ увидѣть, какъ „Джипси“ опять оскалитъ свои ровные бѣлые зубы и броситъ на него лукавый взглядъ своихъ карихъ глазокъ.

VI.

Не прошло и недѣли, какъ какая-то невѣдомая сила опять потянула Сергѣя Валерьяновича, и уже совершенно сознательно, во вновь открытый имъ ресторанъ.

Еще въ первое свое посѣщеніе онъ узналъ отъ подававшаго ему шляпу и трость швейцара, что публика въ ресторанѣ бываетъ исключительно по вечерамъ, когда въ большомъ залѣ играетъ струнный оркестръ, и что это удовольствіе продолжается до часа ночи, а завтракаетъ и обѣдаетъ очень мало посѣтителей. Поэтому Атуровъ и отправился туда опять позавтракать и снова засталъ „Джинси“, склонившуюся надъ работой.

На этотъ разъ онъ поздоровавшись рѣшился заговорить съ кассиршей.

— А вы, кажется, не любите оставаться безъ дѣла?—проговорилъ онъ съ улыбкою, на которую только и способенъ человекъ, знающій себя цѣну.

Дѣвушка подняла свои каріе глаза и проговорила, пожимая плечами:

— Безъ работы здѣсь можно умереть со скуки.

— Но зато вечеромъ, я думаю, вамъ скучать не приходится?

— Вечеромъ?—чуть не съ ужасомъ воскликнула „Джинси“,— да я полжизни отдала бы только за то, чтобы не сидѣть здѣсь по вечерамъ.

— Почему же?

— Ахъ, Боже мой, да неужели же вы сами этого не знаете или не понимаете?

— Говоря откровенно, я у васъ вечеромъ еще ни раза не былъ.

— Да и вообще—то вы, кажется, у насъ здѣсь всего во второй или третій разъ.

Такое внимательное отношеніе къ его особѣ очень понравилось его превосходительству, но тѣмъ не менѣе онъ считъ несовмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ долго оставаться у кассы и направился къ ближайшему къ ней столику.

„Джинси“, вылитая „Джинси“,—думалъ онъ, машинально просматривая карточку завтрака:—только глаза у нея гораздо больше; а ея зубамъ могла бы позавидовать и сама маркиза Регина, ради воспоминаній о которой меня сегодня потянуло въ этотъ полуресторанъ, полутрактиръ. И волосы у нея вовсе не рыжеватые, какъ у „Джинси“, а совершенно такіе же каштановые, какъ и у маркизы... Я вѣдь видѣлъ ее въ первый разъ

склонившеюся надъ работой, а на затылкѣ у женщинъ волосы всегда бываютъ свѣтлѣе“.

Здѣсь нить размысленій Атурова неожиданно порвалась, такъ какъ онъ вспомнилъ, что метръ-д'отель уже давно почтительно дожидается его заказа. Сергѣй Валерьяновичъ почти не смотря указалъ пальцемъ на какія-то два блюда и потребовалъ себѣ рюмку коньяка.

Направляясь послѣ завтрака въ швейцарскую, онъ по дорогѣ опять остановился у кассы и освѣдомился у „Джипси“, съ котораго часа начинается ея служба. Та почему-то взглянула на него удивленно, однако дала требуемый отвѣтъ.

„Нѣтъ, положительно въ ея глазахъ нѣтъ ничего обезьяняго“,—рѣшилъ Атуровъ и прощаясь даже протянулъ кассиршѣ руку.

При этомъ дѣвушка выразила еще большее удивленіе, и онъ опять замѣтилъ, что между ея рукой съ тонкими, длинными пальцами, доказывающими породу, и мозолистой, мохнатой ладонью той, другой „Джипси“ тоже есть большая разница.

Послѣ этого Сергѣй Валерьяновичъ зачастилъ въ этотъ ресторанъ, и каждый разъ, какъ направлялся туда, старался увѣрить себя, что дѣлаетъ это только для того, чтобы, глядя на „Джипси“, воскресить въ своей памяти незабвенный образъ маркизы Регины Аничетти, хотя на время вернуться къ былому. Между тѣмъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ онъ все менѣе и менѣе находилъ сходства между скромной, вѣчно склонившейся надъ какою нибудь работой, кассиршей и забавнымъ звѣрькомъ, съ которымъ онъ такъ дружески обходился въ Сорренто; но зато, противъ его воли, у него все чаще напрашивалось другое сравненіе, которое ранѣе привело бы его въ ужасъ: онъ началъ сравнивать молодую дѣвушку со своимъ прежнимъ предметомъ обожанія и во многомъ отдавалъ ей преимущество.

Онъ уже зналъ, что новую „Джипси“ зовутъ Еленю Николаевною, что ея фамилія Каминская, что она — дочь стараго заслуженнаго полковника, убитаго въ послѣднюю русско-японскую войну, что благодаря этому ея мать получаетъ очень хорошую пенсію, но у нея есть братъ, служащій офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, а служить въ гвардіи безъ денегъ положительно невозможно, и вотъ ихъ мать отдаетъ ему почти всю свою пенсію, а она сама принуждена служить кассиршей въ этомъ ресторанѣ, гдѣ постоянно рискуетъ подвергнуться всевозможнымъ оскорбленіямъ.

Все это конечно она рассказала Атурову не сразу, а исподволь, просто и безъ всякой рисовки, сама же ни разу не заинтересовалась узнать, кто онъ такой и каково его обществен-

ное положеніе: она просто видѣла въ немъ человѣка, не имѣющаго ничего общаго съ обычными посѣтителями ресторана, и глубоко вѣрила въ его порядочность. Съ нея этого было совершенно достаточно.

Когда Сергій Валерьяновичъ въ сумракѣ отъ сгустившихся грозовыхъ тучъ, при неумолчныхъ раскатахъ грома и яркомъ сверканіи молнии, увидѣвъ впервые рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ и каріе глазки, нашелъ у Елены Николаевны очень близкое сходство съ „Джипси“, то, уходя изъ ресторана, онъ невольно произнесъ: „Бѣдная „Джипси“!“ — самъ еще не сознавая, къ кому относятся эти слова: къ оригиналу или копіи? Но зато въ настоящее время, узнавъ всю ея домашнюю обстановку, онъ уже сознательно, вспоминая о ней, не разъ повторять:

— Бѣдная, милая „Джипси“!

Настоящая „Джипси“, та, которую онъ угощалъ въ Сорренто орѣхами и фруктами, какъ-то растаяла въ туманѣ его воспоминаній, копія же ея постепенно заслонила собою нѣкогда дорогой для него образъ маркизы Регины Аничетти. Однако сорокалѣтній влюбленный холостякъ долго еще не могъ объяснить себѣ причину подобнаго явленія.

Наконецъ истина раскрылась предъ нимъ: онъ понялъ, искренне полюбилъ скромную и тихую дѣвушку, вынужденную силою обстоятельствъ проводить цѣлые дни въ душной ресторанной обстановкѣ, думать о матери и братѣ, когда въ ушахъ фальшиво визжитъ скрипка и гудитъ контрабасъ, постоянно сплываютъ мимо буфета набѣленные и разрумяненные женщины, раздаются пьяныя рѣчи. Онъ понялъ, что все это „Джипси“ выносить ради семьи, которая на самомъ дѣлѣ могла бы существовать вполне безбѣдно, если бы только ея братъ избралъ для себя иной родъ службы и не сталъ тянуться за людьми, живущими безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ.

Но вѣдь любить или быть любимымъ — большая разница, и, остановившись на этомъ вопросѣ, Сергій Валерьяновичъ серьезно призадумался и приунылъ.

Онъ уже не разъ намекалъ Еленѣ Николаевнѣ, что очень желалъ бы быть представленнымъ ея матери; но она всегда категорически заявляла ему, что въ домѣ у нихъ никто не бываетъ и что старуха терпѣть не можетъ заводить новыя знакомства.

Болѣе всего приводило въ недоумѣніе Атурова, что Каминская, будучи съ нимъ вполне откровенна, нисколько не интересуется его общественнымъ положеніемъ; самъ же онъ, давъ ей свою визитную карточку, счелъ неудобнымъ распространяться

даже о своей службѣ: еще, чего добраго, Каминская сочтетъ его за лгуна или жалкаго хвастуна, такъ какъ трудно предположить, чтобы кто нибудь другой, занимая такой видный постъ, какой былъ у него, сталъ чуть не ежедневно являться въ ресторанъ съ весьма опредѣленною плохою репутаціей.

Наконецъ Атуровъ рѣшился сразу разрубить тотъ гордіевъ узелъ, который мѣшалъ ему, хоть и поздно, но все же подуматъ о своемъ личномъ счастьѣ.

Такъ какъ Елена Николаевна уже нѣсколько разъ и весьма категорически отказывалась видѣть его у себя въ домѣ, то онъ рѣшился прибѣгнуть къ старому средству, къ которому прибѣгала еще пушкинская Татьяна, хотя конечно въ немъ не было столько наивной простоты, какъ въ этой скромной дочери екатерининскаго бригадира, которой судьба судила потомъ блистать въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ.

Атуровъ, какъ послѣдній школьникъ, написалъ Еленѣ Николаевнѣ письмо, въ которомъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, убѣдительно просилъ ее назначить ему день и часъ для частнаго разговора, имѣющаго для него весьма важное значеніе. Къ этому онъ прибавилъ, что поднимать подобный вопросъ въ ресторанѣ у кассы онъ считаетъ неудобнымъ, такъ какъ не знаетъ, какъ онъ будетъ принять, да къ тому же и столы тамъ имѣютъ уши, не говоря уже объ официантахъ.

Атуровъ не сомнѣвался въ томъ, что Елена Николаевна ему хоть нѣсколько симпатизируетъ, и питалъ смутную надежду, что этотъ его шагъ не будетъ истолкованъ молодою дѣвушкою въ дурную сторону.

И онъ не ошибся: хорошенькая кассирша, при слѣдующей встрѣчѣ съ нимъ, на его вопросъ, получила ли она его письмо, густо покраснѣла и только утвердительно кивнула головою.

Наступила небольшая пауза, и Сергѣй Валерьяновичъ почувствовалъ себя крайне неловко, молча стоя у кассы и пропуская мимо ушей разговоръ Каминской съ подошедшимъ къ ней метръ-д'отелемъ.

Елена Николаевна заговорила первую.

— Только я не понимаю,—начала она съ оттънкомъ грусти,—какія причины побудили васъ написать мнѣ это письмо? Мнѣ кажется, я не давала вамъ къ тому никакого повода и права.

— Но что же мнѣ было дѣлать, когда вы такъ рѣшительно всегда отказывались представить меня вашей матушкѣ, которую я заочно уже давно глубоко уважаю по вашимъ рассказамъ,—не безъ волненія отвѣтилъ Атуровъ.

— Къ сожалѣнію послѣ нашего послѣдняго разговора съ вами по этому предмету ничего новаго не произошло, — пожала плечами кассирша и склонила надъ работой свою хорошенькую головку.

— Тѣмъ не менѣе вы позволите мнѣ надѣяться? — съ совершенно несвойственной ему робостью снова началъ Сергѣй Валерьяновичъ.

— Хорошо, — почти шепотомъ быстро проговорила Каминская, отрываясь отъ своей работы. — Завтра — воскресенье, и потому утромъ я свободна и буду ждать васъ въ Лѣтнемъ саду между одинадцатью и двѣнадцатью часами. Только должна васъ предупредить, что въ данномъ случаѣ я поступаю совершенно противъ своихъ правилъ и что мнѣ это очень — очень непріятно.

— О, благодарю васъ, благодарю!..

VII.

Осеннія краски уже легли на листья деревьевъ; они поблекли, зажелтели, зарумянились, покрылись кровавымъ багрянцемъ и, падая даже подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтерка, устилали землю, для того чтобы вмѣстѣ съ нею спокойно уснуть подъ бѣлымъ погребальнымъ покровомъ зимы.

Однако благодаря ясному осеннему дню въ это памятное для Сергѣя Валерьяновича утро въ Лѣтнемъ саду было довольно много народа, особенно дѣтей, пришедшихъ туда подышать свѣжимъ воздухомъ и порѣзвиться подъ надзоромъ своихъ гувернеровъ, гувернантокъ и нянекъ.

Сергѣю Валерьяновичу, пришедшему гораздо ранѣе опредѣленнаго времени, чего съ нимъ никогда не случалось даже и въ департаментѣ, пришлось довольно — таки долго побродить взадъ и впередъ по главной аллеѣ Лѣтняго сада; онъ боялся хоть на нѣсколько минутъ уклониться въ сторону и постоянно останавливался въ ожиданіи у воротъ, выходившихъ на Неву, такъ какъ ему было уже давно извѣстно, что Елена Николаевна занимаетъ квартиру вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то на Петербургской Сторонѣ, въ одной изъ Колтовскихъ, тогда какъ ея братъ, блестящій гвардеецъ, живетъ въ казармахъ.

Наконецъ Атуровъ сѣлъ на скамейку, почти у самаго входа въ садъ, и, закуривъ сигару, погрузился весь въ мечты о своемъ будущемъ счастьѣ, если только подобныя мечтанія доступны сорокалѣтнему мужчине, да еще занятому важными государственными дѣлами, отъ которыхъ зависятъ благосостояніе и дальнѣйшее преуспѣваніе всей необъятной Россіи. Поэтому онъ и не обратилъ вниманія на приближавшуюся къ нему скромно

одѣтую женщину подѣ густымъ вуалемъ и даже вдрогнулъ, когда та назвала его по имени и отчеству.

Предъ нимъ стояла Елена Николаевна, вошедшая въ Лѣтній садъ какъ разъ съ противоположной стороны.

— Вы видите: я общалась вамъ быть здѣсь и исполнила свое обѣщаніе, — сказала она, здороваясь съ Сергѣемъ Валерьяновичемъ, и затѣмъ дѣловито спросила: — теперь скажите, что вамъ угодно?

— Елена Николаевна, — робко началъ Атуровъ, — я еще разъ, но уже болѣе настойчиво, прошу васъ позволить мнѣ быть сегодня же у вашей матушки...

— И для этого вы заставили меня прѣхать въ Лѣтній садъ?

— Мнѣ надо поговорить съ нею объ одномъ очень важномъ для меня дѣлѣ, — продолжалъ Атуровъ.

— Но о чемъ? — спросила Каминская и вдругъ почувствовала, какъ усиленно забилося ея сердце: она поняла все!

— Елена Николаевна, да неужели же вы не догадываетесь? — спросилъ ее тоже волнуясь Сергѣй Валерьяновичъ.

— Если это — дѣло серьезное, то при чемъ же тутъ загадки?

— Елена Николаевна, любите ли вы меня такъ, какъ я — васъ? — продолжалъ Атуровъ и, замѣтивъ движеніе съ ея стороны, поспѣшилъ добавить: — или по крайней мѣрѣ чувствуете ли вы ко мнѣ хоть какую-нибудь симпатію?

— Мой сегодняшний поступокъ, кажется, доказываетъ...

— Вотъ я и хочу просить у нея вашей руки, заручившись конечно предварительно и вашимъ согласіемъ.

— Но, Сергѣй Валерьяновичъ, — начала послѣ нѣкотораго раздумья Каминская (она уже давно тоже пріѣхала къ нему на скамейку), — если вы мнѣ и симпатичны... если я и относилась къ вамъ всегда съ полнымъ довѣріемъ, то тѣмъ не менѣе я совершенно не знаю вашего общественнаго положенія. Да лично меня оно, собственно говоря, и не интересуетъ: будь я одна, то никогда и не задала бы вамъ подобнаго вопроса, такъ какъ я прежде всего ищу въ человѣкѣ порядочности, и въ этомъ отношеніи вы стоите внѣ всякихъ сомнѣній. Тутъ дѣло вовсе не во мнѣ, а въ моихъ родныхъ: прежде всего я должна вамъ сознаться, что моя мать — женщина стараго закала и не допускаетъ неравныхъ браковъ; въ томъ же ресторанѣ, гдѣ я служу кассиршей, едва ли бываютъ люди ея круга... Видите ли, — съ горькой ироніей добавила Елена Николаевна: — дочери убитаго на войнѣ полковника Каминскаго можно стоять за кассой Богъ вѣсть въ какомъ ресторанѣ, но ей нечего и ду-

мать о замужествѣ съ человѣкомъ не ея круга. Она, видите ли, думаетъ, что подобный мезальясъ *) можетъ дурно отразиться на карьерѣ моего брата, и я должна принести ему себя въ жертву.

— Но неужели же и вы думаете, что я—какой нибудь рагвешие *)?—съ улыбкою спросилъ молодую дѣвушку Атуровъ, поднимаясь со скамейки.

Вмѣстѣ съ нимъ встала и Елена Николаевна, и они, словно сговорившись, направились къ болѣе уединенной аллеѣ.

— Ахъ,—чуть не съ отчаяніемъ воскликнула Каминская:—достаточно будетъ сказать матери, гдѣ я съ вами встрѣтилась, чтобы она возстала противъ всякаго продолженія знакомства съ вами. Какъ можетъ она породниться съ какимъ-то постояннымъ завсегдатаемъ нашего несчастнаго ресторана!

При послѣднихъ словахъ Сергѣй Валерьяновичъ весело разсмѣялся и, безцеремонно взявъ молодую дѣвушку за руку, тихо проговорилъ, наклоняясь къ ея уху:

— Ну, я думаю, родство съ камергеромъ и человѣкомъ, занимающимъ видный государственный постъ, врядъ ли повредитъ карьерѣ молодого офицера, тѣмъ болѣе что мои средства не только позволяютъ мнѣ прилично содержать свою будущую жену, но и оказывать ей брату матеріальную поддержку для службы въ гвардіи. Но вы-то, вы-то, моя дорогая, вы согласны быть моею женою?—спросилъ онъ, ласково заглядывая въ добрые каріе глаза Каминской, нѣкогда напомнившіе ему почему-то глаза „Джипси“.

— Приѣзжайте къ намъ, но не сегодня, а завтра утромъ,—быстро проговорила она:—мнѣ во всякомъ случаѣ необходимо подготовить маму къ вашему визиту, а теперь проводите меня до выхода, мнѣ уже давно пора на службу.

— Однако...

— Нѣтъ, до завтра, только наймите мнѣ пожалуйста на улицѣ извозчика, а то у меня страшно кружится голова и я едва стою на ногахъ. Или нѣтъ... лучше присядемте на минуту здѣсь, вотъ хоть на эту скамейку... не знаю, право, почему, но мнѣ вдругъ захотѣлось плакать... Впрочемъ вы... ты не безпокойся: это будутъ счастливыя слезы!..

*) Неравный бракъ.

**) Высочка.

Курили ли древніе римляне?

„Но позвольте!—скажетъ иной читатель, прочтя поставленный нами въ заголовкѣ вопросъ.—Вѣдь табакъ сталъ извѣстенъ въ Европѣ только въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, а древній Римъ окончательно развалился уже къ началу шестого вѣка! Какъ могли древніе римляне потреблять продуктъ, ставшій извѣстнымъ лишь десять вѣковъ спустя?“

Но почему же, скажемъ мы въ отвѣтъ, говоря о куреніи, надо непременно имѣть въ виду табакъ? Вѣдь, строго говоря, куреніе есть опьяненіе дымомъ наркотическихъ веществъ, среди которыхъ табакъ занимаетъ далеко не единственное мѣсто! Вѣдь курятъ же на Востоку препараты мака (опій) и индійской конопли (гашишъ)? И если табакъ, какъ растеніе не открытыхъ въ то время еще земель, не могъ быть извѣстенъ древнимъ римлянамъ, то и опій, и гашишъ легко могли быть вывезены съ Востока легіонерами.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что древніе римляне курили, какъ курили и обитатели другихъ странъ. На это указываютъ найденныя въ разныхъ мѣстахъ коллекціи трубокъ. Такія коллекціи были найдены въ римской стѣнѣ временъ императора Адриана въ провинціяхъ Аликанте, Валенсія и Севиля (Испанія), въ развалинахъ построекъ эпохи римскаго владычества во Франціи, Германіи, Голландіи и т. п. А въ Англіи и въ Ирландіи существуютъ церкви десято-одиннадцатаго вѣка, гдѣ на грубо высѣченныхъ барельефахъ изображены мужчины въ костюмахъ времени Каролинговъ съ коротенькими трубочками въ зубахъ.

Такимъ образомъ на вопросъ, курили ли древніе, можно съ увѣренностью отвѣтить положительно.

Теперь остается еще выяснить, что именно могли курить тогда.

На опій и гашишъ пока нѣтъ никакихъ категорическихъ указаній. Вполнѣ вѣроятно и правдоподобно, что оба наркотика были извѣстны римлянамъ, но прямыхъ доказательствъ тому нѣтъ. Зато въ старой литературѣ имѣются ссылки на растеніе, которое нынѣ для этой цѣли совершенно не употребляется. Такъ, поэтъ Хаиме Фебреръ говоритъ въ одѣ на взятіе Валенсіи (1276 г.) слѣдующее:

„Утверждаютъ, что лаванда обладаетъ способностью разгонять сонъ и вливать новыя силы тому, кто ее курить, такъ какъ дымъ лаванды высушиваетъ сырость мозга и такимъ образомъ развиваетъ большую силу“.

Иначе говоря, въ этихъ строкахъ явно указывается на общее всѣмъ наркотикамъ (кофе, табакъ, чай, опій и гашишъ—въ опредѣленныхъ дозахъ и въ извѣстныхъ—первыхъ—періодахъ дѣйствія) свойство прогонять сонливость и повышать энергію.

Кромѣ того при раскопкахъ въ Лосъ-Ріосѣ (Испанія) была найдена трубочка изъ бѣлой глины съ рельефнымъ изображеніемъ на ней пучка листьевъ лаванды. Все это даетъ намъ основаніе предполагать, что лаванда, употребляемая теперь, какъ средство противъ моли и матеріалъ для приготовленія ароматныхъ туалетныхъ водъ (вспомните „лавилаванъ“ нашихъ предковъ—искаженное „о-де-лаванд“, т. е. „лавандная вода“), замѣняла древнимъ римлянамъ теперешній излюбленный наркотикъ — табакъ.

Забавный экзамень.

Въ 1729 году въ одной изъ деревушекъ Помераніи освободилась вакансія школьнаго учителя. Для назначенія достойнаго кандидата соискатели были подвергнуты экзамену. Учѣлѣвшій протоколъ экзаменаціонныхъ испытаній, записанный мѣстнымъ священникомъ, представляетъ собой очень интересный документъ къ исторіи народнаго образованія добраго стараго времени. Вотъ переводъ этого протокола:

„Послѣ того какъ пятеро желающихъ заявили ходатайство о предоставленіи имъ мѣста школьнаго учителя, освободившагося за смертью послѣдняго, всѣ пятеро кандидатовъ были подвергнуты въ церкви мѣстнымъ священникомъ предъ всей общиной испытанію въ пѣніи, по окончаніи какового испытанія они были испытаны въ церковномъ домѣ въ остальныхъ познаніяхъ. При этомъ выяснилось нижеслѣдующее:

„І. Мартинъ Оттъ, по профессіи сапожникъ, тридцати лѣтъ отроду. Спѣлъ въ церкви три пѣсни. Однако ему надо еще много учиться мелодіи, да и голосъ у него могъ бы быть лучше. Читалъ Исходъ, стихи 10—26,

истолковывалъ стихи 16—29. Читалъ бѣгло, въ истолкованіи сдѣлалъ двѣ ошибки. Разбиралъ три почерка—посредственно, на три вопроса на сметку отвѣтилъ правильно, отвѣтилъ на пятьдесятъ четыре вопроса по катехизису—безошибочно; написалъ три строки подъ диктантъ—четыре ошибки; въ счетѣ совершенно невѣжественъ.

„2. Яковъ Меель, ткачъ, перевалило за пятьдесятъ. Спѣлъ три духовныя пѣсни, но мелодія у него постоянно сбивалась на другія пѣсни, да и голосъ могъ бы быть посильнѣе. Въ чтеніи сдѣлалъ десять ошибокъ, въ истолкованіи безошибоченъ. Разбиралъ три рода рукописей—слабо и съ запинками. На три вопроса на сметку отвѣтилъ удовлетворительно, катехизисъ—безошибочно, въ диктантъ (три строки)—пять ошибокъ. Въ счетѣ тоже несвѣдушъ.

„3. Филиппъ Хопцъ, портной, старый, хилый человекъ шестидесяти лѣтъ, лучше бы сидѣлъ дома, чѣмъ лѣзть на экзаменъ. Спѣлъ двѣ пѣсни, голосъ—какъ у козла, мелодія сбивается на другія пѣсни. Читалъ отчаянно, истолковывалъ запинаясь. На трехъ вопросахъ на сметку безповоротно сѣлъ. Въ чтеніи рукописей самъ признался, что не умѣетъ этого. Подъ диктантъ написалъ только три слова, да и тѣхъ не разберешь. Счета не знаетъ совершенно, считаетъ по пальцамъ, какъ малый ребенокъ. Ему было заявлено, что надо быть идѣотомъ, чтобы явиться на экзаменъ, справедливость чего онъ и призналъ самъ со слезами“.

Кандидаты подъ №№ 4 и 5 проявили, согласно протоколу, несравненно большія познанія, но тутъ были выдвинуты другія сомнѣнія. Четвертый кандидатъ былъ лудильщикомъ по профессіи и много бродилъ по странѣ, а это заставляло общину не довѣрять его нравственности. А пятый—унтеръ-офицеръ въ отставкѣ—внушалъ опасенія въ томъ, что будетъ примѣнять къ дѣтямъ такія же суровыя мѣры воздѣйствія, которыя практиковались въ то время въ войскахъ. Поэтому обсужденію были подвергнуты кандидатуры номеровъ перваго и втораго, причемъ единогласно былъ избранъ Яковъ Меель. Мотивомъ къ его избранію на должность школьнаго учителя послужила его хорошая репутація; увы! она сдѣлала наставникомъ человека, пишущаго три строки съ пятью ошибками.

Безразсудство любви.

Разсказъ П. Гейзе.

Юлій Валлерштейнъ, молодой школьный учитель, проводилъ каникулярное время на дачѣ у брата своей жены.

Какъ-то вечеромъ ему пришлось возвращаться домой подъ-руку со своей женой съ такъ называемаго „послѣ-обѣденнаго кофе“. Они были женаты уже шесть лѣтъ и тѣмъ не менѣе сумѣли сохранить другъ къ другу и свѣ-жесть, и сердечность своихъ чувствъ. Счастье этой четы было настолько трогательно, что даже тестъ Юлія, чело-вѣкъ весьма расчетливый, счелъ своей обязанностью уве-личить ихъ ежегодный доходъ на триста марокъ.

Оба они были въ прекрасномъ настроеніи, которое, быть можетъ, было вызвано упоительнымъ, томнымъ ды-ханіемъ вечерняго воздуха, но возможно, что ихъ возбу-дилъ, а пожалуй и опьянилъ, душистый кофе съ при-бавкой нѣсколькихъ рюмочекъ чудеснаго и совершенно безцвѣтнаго „кирша“ *). Но, какъ бы тамъ ни было, суть въ томъ, что эти супруги, идя въ тѣни высокихъ сосенъ, по берегу канала, такъ весело пересмѣивались и болтали другъ съ другомъ, что можно было смѣло утверждать, что ихъ свадьба состоялась не шесть лѣтъ тому назадъ, а развѣ шесть мѣсяцевъ.

Молодой школьный учитель былъ статенъ и красивъ, черты его лица выражали энергію, но, если бы судить по его походкѣ и размахиванію руками, въ немъ при-шлось бы признать отсутствіе самообладанія.

Внезапно ихъ невинное веселье было отвлечено гром-кими криками и воплями:

— Онъ тонетъ!.. Онъ тонетъ!.. Помогите! Спасите!— въ отчаяніи кричала какая-то женщина.

Юлій Валлерштейнъ, выпустивъ руку жены, бросился къ мѣсту несчастья.

— Юлій, что ты хочешь дѣлать, Юлій?! — кричала ему вслѣдъ жена, вся поблѣднѣвъ отъ страха.

Но онъ уже не слышалъ ея болѣе.

Тогда молодая женщина бросилась за нимъ и, добѣ-жавъ до берега канала, увидѣла лежащими на травѣ свѣтлый, лѣтній плащъ и сѣрую войлочную шляпу. Она чуть не лишилась чувствъ и шатаясь со страхомъ смот-рѣла на темную воду.

*) Очень крѣпкая настойка изъ вишневыхъ косточекъ.

— Юлій!.. — вскрикнула она, какъ бы готовая броситься плывцу навстрѣчу.

А онъ, сіяя счастьемъ, тремя-четырьмя взмахами правой рукой доплылъ до берега, держа въ лѣвой рукѣ полу-живого ребенка, лѣтъ шести.

Когда Юлій взобрался на берегъ, вода лилась съ его головы по щекамъ и носу. Онъ осторожно и нѣжно положилъ ребенка на траву, а затѣмъ сталъ приводить его въ чувство, руководствуясь правилами для возвращенія жизни утонувшимъ.

Ребенокъ сталъ дышать. Вскорѣ раздался его крикъ. Опасность миновала, онъ ожилъ.

Валлерштейнъ тутъ же на берегу передалъ ребенка заливавшейся слезами его матери, женѣ конюха, жившаго по сосѣдству съ Валлерштейнами.

— Смотрите, въ другой разъ будьте осторожнѣе! — сказалъ ей Юлій строгимъ голосомъ. — Развѣ можно такъ небрежно смотрѣть за такимъ маленькимъ ребенкомъ?

Бѣдная женщина, все еще продолжая всхлипывать, поймала его руку и поцѣловала ее. Она уже успокоилась и мысленно готова была надавать внушительныхъ шлепковъ своему шаловливому сынишкѣ.

Между тѣмъ ребенокъ вдругъ заревѣлъ благимъ матомъ, словно только теперь сообразилъ, какой подвергался страшной опасности — остаться лежать навсегда въ темной прохладѣ среди раковъ и большихъ рыбъ.

Валлерштейнъ быстро отошелъ отъ столпившихся около него женщинъ и дѣтей, надѣлъ шляпу, перекинулъ плащъ черезъ плечо и направился къ женѣ, которая стояла блѣдная, какъ мраморъ.

— Пойдемъ, Анна! — обратился онъ къ ней. — Дойти домой осталось недалеко. Поспѣшимъ! Я боюсь простудиться... вѣроятно я схвачу насморкъ.

Она, не отвѣтивъ ему ни слова, взяла его подъ-руку, и, не замѣчая, что ея праздничное платье нѣсколько намокло, продолжала молча идти.

— Что съ тобою? — обратился къ ней супругъ. — Отчего ты молчишь? Развѣ тебя не радуетъ, что мы спасли жизнь маленькому человѣчку?

Анна продолжала молчать, а затѣмъ вдругъ разразилась цѣлымъ потокомъ слезъ, послѣ чего, остановившись посреди дороги, раздраженно, со страстною запальчивостью заговорила:

— Скажи мнѣ, неужели ты не сознаешь всей безраз-

судности своего поступка? Представь себѣ, что, стоя тамъ на берегу, я могла не увидѣть тебя болѣе, или—что еще хуже—увидѣть, какъ ты всплылъ бы и затѣмъ снова бы исчезъ въ водѣ, безпомощный, пораженный апоплексіей. Ты не думалъ, что дѣлаешь. Сегодня жарко, а помимо того ты былъ такъ разгоряченъ. Понимаешь ли ты, Юлій, насколько неблагоразумно поступилъ ты по отношенію ко мнѣ, какъ къ женѣ своей, и настолько безсердечно по отношенію къ своему собственному ребенку?

— По-твоему, выходить, — отвѣтилъ Валлерштейнъ, — что я долженъ былъ допустить, чтобы дитя утонуло?

— Но развѣ не могъ кто нибудь другой спасти этого ребенка?

— Ты вѣдь видѣла своими глазами, что тамъ не было никого, кто могъ бы спасти его. При твоей столь образцовой предусмотрительности тебѣ слѣдовало заткнуть мнѣ уши ватой, чтобы я не слышалъ этихъ ужасныхъ воплей о помощи.

— Ты принадлежишь семьѣ и не имѣешь права рисковать своей жизнью; это—безразсудство. Если бы ребенокъ и погибъ, на то была бы воля Божія. Не забывай, что у тебя есть собственный ребенокъ.

— Не прибѣгай къ софизмамъ! Въ томъ случаѣ, какой только что выпалъ на мою долю, всякій честный и сердечный человѣкъ ни о чемъ не разсуждаетъ, а отдается всецѣло своему чувству. Да, для него служить образцовымъ примѣромъ вѣрная сэнбернардская собака. Да, примѣромъ! И я говорю это тебѣ совершенно серьезно. Благодарю Господа, что я—хорошій пловецъ! Вотъ это—единственное сознаніе, которое руководило мною. О чемъ бы другомъ я могъ думать въ это время? Чѣмъ другимъ я могъ бы руководствоваться, кромѣ чувства?.. Да, быть можетъ, я поступилъ необдуманно; меня увлекло безразсудство любви, единственное чувство человѣколюбія. По-твоему, и по благоразумію мнѣ слѣдовало взвѣсить всѣ обстоятельства за и противъ, пожалуй вспомнить сильное выраженіе нашего Шопенгауера по поводу „the rubble mob, plebs“—фабричнаго товара природы. Ну, что же, тогда это несчастное человѣческое существо погибло бы. Ты видишь, я не представляю собой юноши-эгоиста, а напротивъ—женатаго школьнаго учителя. Но довольно объ этомъ! Пойдемъ скорѣе домой, моя маленькая варварка! совѣтую тебѣ поцѣловать меня, да по-

крѣпче. Успокойся!.. Покраснѣй за свои страхи обо мнѣ и порадуйся, что я цѣль и невредимъ.

— А если бы ты утонулъ, если бы...

— Вижу, что мнѣ приходится начать свою отвѣдь снова. Мнѣ кажется, что ты хочешь разсердить меня, Анна, отравить мою радость, блаженство этой минуты.

— Да, я сердита на тебя, — отвѣтила Анна, все еще сильно взволнованная. — И ты меня ничуть не убѣдилъ.

Они шли молча.

Чѣмъ болѣе представляла себѣ Анна мгновенную сцену, только что происшедшую на берегу камала, тѣмъ сильнѣйшее раздраженіе овладѣвало ею.

Пройдя нѣсколько шаговъ подъ-руку другъ съ другомъ, Валлерштейны дошли до идиллической дачи зятя, привѣтливо озаренной красными лучами вечерняго солнца. Кусты розъ, жасмина, цвѣты въ клумбахъ расточали свое благоуханіе.

Въ тѣни веранды стоялъ ихъ старый-престарый слуга Фабіанъ. Можно было предположить, что онъ былъ поставленъ на этотъ постъ съ цѣлью сообщить молодымъ супругамъ о чемъ либо важномъ, а, судя по его печальной улыбкѣ, и непріятномъ.

Такъ мысленно заключилъ Валлерштейнъ и встревожился.

Старый Фабіанъ поспѣшно двинулся имъ навстрѣчу. Его удивило, что супруги измѣнили своему обыкновенію весело, шумно, шутя другъ съ другомъ, входить въ садъ и подыматься на веранду.

— Господинъ Валлерштейнъ! — обратился онъ, подойдя къ учителю и понижая голосъ.

Юлій изумленно посмотрѣлъ на него, пораженный такой таинственной встрѣчей, и прибавилъ шага, чтобы ихъ разговоръ не могла услышать его жена.

— Вы не тревожьтесь, теперь ничего, — успокаивалъ его старый слуга, положивъ ему руку на плечо. — Теперь все, слава Богу, благополучно! Онъ живъ... пусть только выспится... и будетъ совершенно здоровъ. Ахъ, эти дѣти! Да, если у васъ будетъ даже двадцать глазъ, развѣ за ними усмотришь? Если уже суждено случиться бѣдѣ, то она случится. Но, благодаря Богу, вашъ сынъ спасенъ.

— Мой Іозефъ, что съ нимъ? — вскрикнула Анна.

Заинтересованная таинственнымъ сообщеніемъ слуги ея мужа, она подошла къ нимъ такъ близко, что услышала послѣднія слова Фабіана.

Старый слуга молча склонилъ голову.

— Что съ нимъ?— Анна зашаталась, но, собравъ силы, рицнулась въ комнаты, направляясь въ свою спальню, гдѣ спалъ ея единственный пятилѣтній сынъ.

Въ дверяхъ ее встрѣтила невѣстка; она обняла ее и со слезами на глазахъ стала просить ее успокоиться.

— Да, Анна, Іозефъ живъ,—проговорила она,—только не надо беспокоить его. Я чувствовала бы себя всю жизнь несчастной, если бы онъ...

Наврядъ ли Анна слышала и понимала, что ей говорить. Она вырвалась изъ объятій невѣстки, бросилась въ спальню и припала на колѣнахъ къ кроваткѣ, на которой лежалъ ея дорогой маленькій Іозефъ.

Ребенокъ спалъ спокойно, дышалъ ровно, только личико его было блѣдно. Анна дрожащими руками поправила на немъ одѣяльце и не спускала съ него взора.

— Онъ нечаянно свалился съ плота въ прудъ,—услышала она голосъ невѣстки, когда нѣсколько пришла въ себя.—Конюхъ Францъ спасъ его, рискуя своей жизнью! Я хотѣла вознаградить его, давала ему сто марокъ, но онъ отказался, сказавъ, что это было его обязанностью. Онъ—герой; вѣдь онъ—семейный человѣкъ... Не трогай Іозефа, пусть спитъ!.. Его нельзя винить; виноваты мы сами... Дѣтей нельзя оставлять ни на одну минуту однихъ. Смерть сторожить повсюду. Никогда нельзя быть достаточно осторожнымъ.

Этотъ лепетъ невѣстки дѣйствовалъ на Анну утѣшительно. Она, почувствовавъ, что кто-то нѣжно взялъ ее за руку, обернулась и увидѣла стоявшаго подлѣ нея мужа.

Юлій, вполнѣ успокоенный старымъ слугой, что здоровьемъ его сына ничто не угрожаетъ, отправился сперва въ свою комнату и тамъ переодѣлся, а затѣмъ зашелъ въ спальню посмотреть на сынишку и успокоить жену.

И вотъ онъ стоялъ рядомъ съ женою, которая отъ полноты счастья не могла говорить. Только по временамъ онъ встрѣчалъ ея блестящій взоръ, увлажненный слезами, причемъ въ каждомъ такомъ взглядѣ какъ бы слышались такіа слова:

— О, милый, ты правъ!.. Я буду всегда превозносить самоотверженность ради спасенія жизни человѣка. О, какъ высока любовь, какъ высока въ ней безразсудность!

Гете и прислуга.

Гете, подобно многим другим выдающимся людям, должен был познать на себѣ справедливость изреченія, что „никто не бываетъ великимъ человекомъ въ глазахъ своего лакея“. Во всякомъ случаѣ, по дошедшимъ до насъ документамъ, можно видѣть, что творцу „Фауста“ пришлось биться съ прислугой не меньше, чѣмъ любой современной хозяйкѣ. Объ этомъ свидѣлствуетъ на примѣръ аттестатъ, выданный имъ своей кухаркѣ Шарлоттѣ Говеръ. Въ немъ Гете упоминаетъ, что продержалъ Шарлотту два года, такъ какъ она была очень искусна въ стряпнѣ, но зато ея характеръ дѣлалъ ее совершенно невозможной въ домѣ. Она чрезвычайно сварлива, задираетъ всѣхъ и каждого и вѣчно поступаетъ наперекоръ тому, что ей приказываютъ. Въ особенности она не терпѣла ни малѣйшаго вліянія въ области своего кухоннаго царства. Въ этомъ аттестатѣ Гете жалуется, что онъ очень любитъ вырѣзку, а Шарлотта упорно кормила его суповой говядиной. Кромѣ того у нея имѣется дурная привычка подслушивать у дверей, такъ что въ концѣ аттестата Гете замѣчаетъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ рекомендовать Шарлотту кому бы то ни было.

Не больше счастья имѣлъ этотъ король поэтовъ и съ мужской прислугой. Про одного изъ своихъ камердинеровъ—Гензенера—Гете не разъ говорилъ, что этотъ субъектъ помогъ ему, Гете, стать философомъ. Гензенеръ подвергалъ терпѣніе Гете жесточайшему испытанію, но Гете не выносилъ перемѣнъ въ домашнемъ персоналѣ и потому предпочиталъ терпѣть, пока было можно. Въ концѣ концовъ этого терпѣнія нехватило. Однажды Гете съ друзьями отправился на пикникъ. Не стѣсняясь присутствіемъ барина и гостей, Гензенеръ сцѣпилъ съ кучеромъ и, несмотря на уговоры Гете, сталъ обливать его потоками самой крѣпкой ругани. Въ концѣ концовъ Гете пришлось приказать арестовать буяна и прогнать его со службы.

НА ВЗМОРЬѢ.

Разсказъ М. Э. Никольскаго.

Ураганъ ревѣлъ и бушевалъ. Большая рыбацкая лодка, подбрасываемая волнами во всѣ стороны, со скрипомъ качалась на якорѣ.

Былъ еще день, но солнце скрывалось за свинцовыми тучами, и черный, зловѣщій полумракъ спустился надъ моремъ.

Старый ловецъ Иванъ Кононовъ выглянулъ на минуту изъ кормовой каюты.

— Ишь ты, разыгрались треклятые, прости, Господи! Волна-то какая идетъ, волна-то! Поди, здѣсь не больше саженой глубины, а она на вонъ какъ тебѣ валить. Батюшки, да еще изъ подчалка всѣ доски унести. Танька, а, Танька!

Изъ кормовой каюты показалась молодая статная женщина.

— Танька! Сходи-ка въ носовую къ Кузмѣ да вели ему изъ подчалка всѣ доски взять.

— Угорѣлъ ты, что ли! Ураганъ такой, а ты тоже— „сходи“! Самъ ступай, ноги-то есть. Да и не пойдетъ онъ. Куда въ такую шторму въ лодку лѣзть? Голову тамъ сломишь.

Старикъ сердито погрозилъ ей кулакомъ.

— Не твое дѣло! Разъ говорю—значить, иди. А ему за то и деньги платять, чтобы хозяина слушаться. А ты мнѣ кто? Жена ты мнѣ, али не жена? Говорять тебѣ, такъ и иди.

Старикъ вошелъ въ каюту, а молодая женщина, бросивъ вслѣдъ ему гнѣвный взглядъ, стала пробираться на носъ рыбацкой лодки. При каждомъ толчкѣ она хваталась за борта лодки и снасти.

Скрипъ судна и вой вѣтра подъ аккомпанементъ рева моря заглушали ея шаги, и она неожиданно отворила дверь носовой каюты.

— Кузьма!

Но глухое восклицаніе вырвалось у нея изъ груди—она увидѣла, что молодой парень сидитъ, обнявшись съ работницей Лушкой, взятой на рыбацкую лодку для разделки крупной рыбы.

Кузьма быстро вскочилъ на ноги и испуганно посмотрѣлъ на застывшее, помертвѣвшее лицо Татьяны.

— Кузьма! Иванъ Коннычъ велитъ достать изъ подчалки доски,—сказала она.—Слышалъ?

— Слы-шалъ... Сейчасъ.

— Кузя! Не ходи! — заговорила Лушка. — Куда ты? Аспидъ онъ этакій. Да развѣ можно въ шторму-то? Да пропади онъ пропадомъ, его доски-то!..

— Уйди, стерва! — съ какой-то внезапной, но ярой злобой оттолкнулъ Кузьма рябую дѣвушку и, схвативъ шапку, торопливо бросился за хозяйкой. — Таня, ты того... того... Это только такъ... такъ только... Таня! Таня!

Онъ пытался схватить ее за руку.

— Прочь, змѣя! Мало тебѣ одной, такъ съ рябой Лушкой связался? Ишь, красавицу нашелъ!.. Душу свою я изъ-за тебя, проклятаго, загубила, законъ Божескій нарушивши. Полюбовница завела.

— Таня, Таня!

— Уйди и никогда не подходи ко мнѣ больше. Ступай на лодку! Ну, я сказала.

Въ голосѣ Татьяны звучало столько ненависти и суровой твердости, что молодой парень повиновался. Съ громаднымъ трудомъ спустился онъ съ рыбницы въ швыряемый во всѣ стороны подчалокъ и съ тупымъ, покорнымъ выраженіемъ въ лицѣ сталъ торопливо собирать доски.

— Татьяна Михална! Помоги мнѣ взять доски-то! — закричалъ онъ глухимъ голосомъ.

Женщина подошла къ кормѣ и еще разъ съ ненавистью посмотрѣла на работника.

Она нагнулась надъ водой, и вдругъ что-то блеснуло у нея въ рукѣ, а затѣмъ съ плескомъ упало въ волны. Подчалокъ, не сдерживаемый уже веревкой, которую она перерѣзала, понесло вѣтромъ въ открытое море.

Безъ крика, безъ стоа стоялъ на кормѣ парень, держась руками за борта, и безумными, тоскливыми глазами смотрѣлъ на развѣваемую вѣтромъ фигуру молодой женщины, отъ которой ураганъ уносилъ его все дальше и дальше. Туда... откуда не только не было уже возврата къ счастью, но вообще не было никакого возврата.

БРИГАНТИНА.

Разсказъ К. Бремсера.

Никогда не забуду я тебя, Бригантина! Такъ ясно стоишь ты предо мною, смуглая, гибкая, чарующая, покоряющая пламенной, экзотической красотой! И до сихъ поръ не могу я забыть трагическій конецъ, которымъ пресѣклась твоя цвѣтущая жизнь!

Бригантина была „звѣздой“ странствующаго цирка Белли, объѣзжавшаго въ эпоху, къ которой относится разсказъ, южныя провинціи Голландіи. Никто не зналъ, откуда она появилась; вѣдь она была цыганка, родившаяся въ открытомъ полѣ, гдѣ вѣроятно и сложили свои кости. Въ ея темныхъ, жгучихъ глазахъ еще съ дѣтства свѣтилась всепожирающая страсть дѣвушки этого безпокойнаго кочующаго племени, не знающаго границъ какъ въ ненависти, такъ и въ любви. Ея искусство наѣздницы превосходило все, когда либо видѣнное мною, и для меня казался неразрѣшимымъ вопросъ, почему она служила въ маленькомъ циркѣ Белли, получая сравнительно ничтожное жалованье, когда она могла играть выдающуюся роль въ любомъ большомъ циркѣ. Впослѣдствіи я пришелъ къ заключенію, что Бригантина хотѣла сдѣлаться женою Белли. Этотъ Белли былъ еще молодымъ человѣкомъ, не болѣе двадцати пяти лѣтъ отроду; онъ получилъ недавно этотъ маленькій циркъ въ наследство отъ своихъ родителей.

Весь циркъ состоялъ изъ полудюжины повозокъ, выкрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ, и двухъ дюжинъ сносныхъ лошадей. Гордостью этого предпріятія былъ прекрасно выдрессированный слонъ „Моффа“, выводимый на арену попеременно то Белли, то Бригантиной.

Хозяинъ цирка со своимъ орлинымъ носомъ, черными, какъ смоль, усами и атлетически сложенной фигурой былъ образцомъ ярмарочнаго красавца, настоящимъ Аполлономъ большой дороги, наряднымъ и неотразимо-побѣдоноснымъ на аренѣ и крайне грязнымъ и обтрепаннымъ въ частной жизни.

Бригантина неизмѣнно выѣзжала на арену въ индійскомъ костюмѣ, въ коротенькомъ платицѣ, обшитомъ перьями и раковинами, съ ожерельемъ изъ коралловъ на шеѣ, а сбоку у нея висѣлъ мѣшечекъ изъ синяго шелка, въ которомъ находились позолоченные шарики для жон-

глифованія. Сразбѣга, однимъ скачкомъ, она вскакивала на неосѣдланную лошадь, и, проворно, какъ кошка, перегибая туловище, начинала высоко подбрасывать шарики, ловила ихъ другою рукою, опять подбрасывала, и такимъ образомъ съ удивительною ловкостью изображала разныя фигуры, тогда какъ лошадь продолжала скакать. Затѣмъ приносили толстую доску и ставили ее посреди манежа; на доскѣ чертили мѣломъ небольшой кругъ, приблизительно въ одинъ футъ въ діаметрѣ, потомъ наѣздицы подавали полдюжины маленькихъ блестящихъ, остро отточенныхъ топориковъ, и она кидала ихъ въ доску. И всѣ они, одинъ за другимъ, сверкая по воздуху, съ глухимъ шумомъ врѣзывались въ доску, не касаясь одинъ другого и не выходя изъ начерченного круга.

Затѣмъ Бригантина показывала свое искусство въ парфорсной ѣздѣ. Она бѣшено носилась на неосѣдланной лошади, легко брала барьеры и неистово выкрикивала:

— Гей, впередъ, „Цезарь“! Смѣлѣй! Смѣлѣй!

Она не переставая щелкала хлыстомъ, ея глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, ея длинные черные съ синимъ отливомъ волосы задѣвали за столбы манежа; лошадь, вся въ мылѣ, какъ бѣшеная, неслась стрѣлою по аренѣ съ отважной наѣздницей, которая еле прикасалась кончиками ногъ къ ея спинѣ.

* * *

Въ шалашѣ, служившемъ жилищемъ для труппы цирка, сидѣли хозяинъ и Бригантина, одни въ уединенномъ мѣстечкѣ; онъ держалъ въ своихъ рукахъ ея маленькія смуглыя руки, а она, сіяя отъ радости, въ полудремотномъ состояніи, или, вѣрнѣе, въ какомъ-то духовномъ экстазѣ, глядѣла на него полными радости и счастья глазами; вокругъ все было тихо, въ полуоткрытое окно врывался прохладный вѣтерокъ, ароматическій запахъ цвѣтущихъ липовыхъ деревьевъ распространялся по комнатѣ и опьяняюще дѣйствовалъ на влюбленныхъ.

— Я—твоя жена, Алессандро! Наконецъ-то я—твоя жена!—шептала Бригантина точно во снѣ.

— Конечно! Черезъ нѣсколько дней ты будешь моею женою,—отвѣтилъ онъ.—Скоро ты будешь моею!—и, снимая кольцо съ пальца, онъ продолжалъ:—этимъ кольцомъ я отдаю тебѣ, моя возлюбленная, свою жизнь, этимъ связана твоя судьба съ моею судьбою, и мы теперь связаны съ тобою навѣки вѣчные, по гробъ жизни!

Бригантина взглянула на кольцо разбѣяннымъ взоромъ, потомъ схватила его и прижала къ своимъ губамъ. Вдругъ быстрымъ движеніемъ руки она вытащила изъ кармана маленькій кинжалъ, уколола себѣ лѣвую руку и такимъ же страстнымъ, порывистымъ движеніемъ прижала раненую руку къ губамъ Алессандро. Онъ поцѣловалъ ранку и хотѣлъ остановить кровь, но она высоко подняла руку. Кровь потекла быстрее и обильнѣе. Тогда Бригантина воскликнула дрожащимъ голосомъ:

— Я — твоя, Алессандро, навѣки, тебѣ навѣки моя кровь, моя жизнь!..

* * *

Вскорѣ послѣ этого Алессандро Белли пригласилъ въ свою труппу вторую наѣздницу, рыжеволосую красавицу Жаннетту, которая всюду славилась своимъ высокимъ бріемъ и коварствомъ. Она происходила изъ старой, извѣстной, очень зажиточной наѣзднической семьи; ея предки содержали блестящую труппу, объѣхали весь міръ и нажили крупное состояніе, но сама Жаннетта, какъ наѣздница, была очень посредственна. Получивъ отъ своихъ родителей въ наслѣдство довольно хорошее состояніе, она могла бы жить доходами отъ своихъ капиталовъ совершенно безбѣдно, ничѣмъ не рискуя; но, изъ жажды славы и скучая безъ дѣла, она рѣшилась принять предложеніе Белли поступить въ его странствующую труппу.

Послѣ пріѣзда Жаннетты, Белли очень перемѣнился и сталъ неузнаваемъ; онъ совсѣмъ пересталъ интересоваться своей невѣстой и повидимому началъ ревностно искать сближенія съ новой наѣздницей.

Бригантина нѣкоторое время терпѣла, но наконецъ не выдержала этой пытки; въ одинъ прекрасный день, за обѣдомъ, она вдругъ обратилась къ хозяину со слѣдующимъ вопросомъ:

— Когда же мы будемъ вѣнчаться, Алессандро?

— Я раздумалъ, Бригантина, — отвѣтилъ онъ ей, не смущаясь, совершенно хладнокровно: — я еще слишкомъ молодъ, чтобы жениться. Я хочу сперва составить состояніе. И тебѣ слѣдовало бы поискать счастья въ другомъ — болѣе обширномъ — циркѣ. А потомъ, наживъ деньги, ты можешь возвратиться къ намъ; тогда я смогу изъ теперешняго нашего цыганскаго сброда создать болѣе крупное предпріятіе!

Бригантина поблѣднѣла, какъ смерть.

— А, я понимаю тебя! Я должна уйти теперь, чтобы освободить тебя от данного мнѣ обѣщанія? Я должна уступить дорогу той рыжеволосой поганой бабѣ, потому что она обладаетъ деньгами? Неужели ты уже забылъ данное мнѣ клятвенное обѣщаніе и собираешься теперь сдѣлаться клятвopеступникомъ?

— Не будь такой надоедливой, Бригантина, а лучше послѣдуй моему совѣту, — раздраженно и повелительнымъ тономъ отвѣтилъ ей Белли.

— А, вотъ какъ ты разговариваешь теперь со мною! — сказала она, презрительно улыбаясь. — Ну, берегись, Алессандро! Я вижу насквозь всю твою коварную игру. Ты гонишь меня прочь отсюда, чтобы безпрепятственно жениться на той!..

— Да ты во снѣ, что ли? Я совершенно не думаю объ этомъ! Я — бѣдный, неимущій хозяинъ, который долженъ стараться нажить деньги. Ты вѣдь должна согласиться со мною, что съ теперешнимъ составомъ труппы, съ этимъ сбродомъ, ничего не добьешься!

— Хорошо, Алессандро, — отвѣтила Бригантина, — я уйду на другое мѣсто и постараюсь заработать деньги... Но поклянись мнѣ, что ты не женишься на той бабѣ, на Жаннеттѣ!..

— Бригантина, вѣдь я — не ребенокъ!

— Поклянись, Алессандро, поклянись, — все настойчивѣе повторяла Бригантина.

— Убирайся ты наконецъ къ черту! — прикрикнулъ на нее хозяинъ.

Проворно, какъ дикая кошка, Бригантина вскочила и отпрыгнула въ уголъ манежа; тамъ она мигомъ схватила одинъ изъ своихъ сверкающихъ топориковъ, которыми такъ искусно жонглировала, стоя на лошади, и крикнула:

— Клянись, говорю тебѣ, или ей Богу!..

Яркіе лучи горячаго іюльскаго солнца, падая на сверкающій топорикъ, отражали его блескъ на полотняныхъ лохмотьяхъ, висѣвшихъ вокругъ цирка.

Белли, полагаясь на свою ловкость и физическую силу, засмѣялся демоническимъ смѣхомъ, и, собираясь вырвать топорикъ изъ рукъ Бригантины, насмѣшливо проговорилъ:

— Такъ ты добровольно не хочешь уйти, маленькій чертенокъ? Хорошо! Я тебя просто выброшу отсюда, да еще отдеру хлыстомъ! Ты смѣешь угрожать? И кому? Мнѣ, Белли? Ахъ, ты, трусишка, ничтожество!..

Эти издѣвательства переполнили мѣру терпѣнія Бригантины; слова „трусишка, ничтожество“ были хуже удара хлыстомъ и звенѣли въ ея ушахъ. Бѣ лицо налилось кровью, и, вскрикнувъ отчаяннымъ, нечеловѣческимъ голосомъ, она со всего маха кинула топорикъ, не цѣлясь, по направленію къ Белли. Топорикъ угодилъ ему въ шею и застрѣлъ тамъ; Белли, не произнеся ни звука, свалился на полъ, кровь хлынула горломъ и смѣшалась съ опилками, посыпанными по всему манежу.

Съ рѣзкимъ, безумнымъ хохотомъ Бригантина прошла мимо бездыханнаго тѣла Белли; она знала, что попадаетъ мѣтко...

Это было ея послѣднее упражненіе въ метаніи топориковъ.

На другой день къ берегу озера прибило трупъ несчастной наѣздницы. Немногіе изъ цирковыхъ сослуживцевъ проводили ея гробъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія у кладбищенской ограды.

Несчастное, бездомное племя! Кому какое дѣло до твоей жизни, страданій, кончины?

Ловкая продѣлка.

Въ Парижѣ существуетъ многочисленная армія мошенниковъ, избравшихъ своей спеціальностью желѣзныя дороги. Необходимо сказать, что съ началомъ сезона путешествій поѣзда вѣчно бываютъ переполненными, и билетныя кассы осаждаются грандіозной толпой пассажировъ. Между тѣмъ иностранцы, путешествующіе впервые, иной разъ не знаютъ этого и беззаботно являются на вокзалъ за полчаса до отхода поѣзда. Вотъ тутъ-то и наступаетъ обильный ловъ для желѣзнодорожныхъ мошенниковъ. Недавно путешественникъ - англичанинъ, не запасшійся заранѣе билетомъ, явился на руанскій вокзалъ и здѣсь къ ужасу увидѣлъ, что получить билетъ нѣтъ никакой возможности. Вдругъ къ нему подошелъ весьма элегантно одѣтый парижанинъ и предложилъ купить билетъ до Руана перваго класса: непредвидѣнные семейныя обстоятельства мѣшаютъ, дескать, ему самому воспользоваться купленнымъ заранѣе билетомъ. Англичанинъ свѣрилъ классъ, число, номеръ поѣзда и съ радостью уплатилъ стоимость билета. Въ пути начинается обходъ контроля. Контролеръ беретъ билетъ анг-

личанина, изумленно рассматриваетъ его и потомъ говорить:

— Хорошо-съ, ну, а вашъ собственный билетъ гдѣ?

— Да вѣдь это—мой собственный!

— Ужъ не будете ли вы увѣрять, что собирались ѣхать по этому билету?

— А почему бы и нѣтъ?

— Да потому, что это—собачій, а не пассажирскій билетъ!

Картина.

Нравственность въ танцевальныхъ вертепахъ.

Къ ужасу матерей, американскія „принцессы долларовъ“ завели въ послѣднее время новую моду: онѣ спокойно стали посѣщать разные сомнительные танцевальные вертепы и, чтобы плясать тамъ всевозможные, порою нескромныя, танцы съ представителями „низовъ“. Эта мода такъ скандализовала американскую аристократію (денежную конечно), что подъ вліяніемъ этой могущественной политической силы изданы новыя правила, благодаря которымъ этотъ родъ похожденій богатыхъ американокъ совершенно теряетъ свою пикантность. А именно, подъ страхомъ строгой кары, лакеямъ запрещено передавать дамѣ что нибудь отъ кавалера—будь то на словахъ, письменно или ввидѣ конфетъ или цвѣтовъ. Метрдотели должны слѣдить, чтобы мужчина не смѣлъ подходить къ столу у посторонней дамы, пока его не пригласитъ спутникъ послѣдней. Если дама на короткое время остается одна, метрдотель и лакеи должны слѣдить за тѣмъ, чтобы съ нею не смѣлъ кто нибудь заговорить. Дамамъ строжайше запрещается заговаривать съ посторонними мужчинами, если же это случится, провинившуюся слѣдуетъ сейчасъ же удалить изъ заведенія и больше никогда не впускать туда.

Всѣ эти правила очень мудры и могли бы въ корнѣ пресѣчь зло, если бы... надзоръ за нравственностью не ввѣрялся лакеямъ учрежденій, живущихъ за счетъ безнравственности! Въ концѣ концовъ отъ этихъ правилъ наживется одна только полиція, уже доказавшая въ въ Америкѣ свое умѣнье въ этомъ направленіи. Конечно сами законодатели отлично понимаютъ это, но недаромъ же англосаксы славятся какъ лицемѣриемъ, такъ и распушенностью!

Благотворительный концертъ.

(Изъ жизни маленькаго курортнаго городка въ Финляндіи.)

Набросокъ Маркъ-Мана.

Этотъ очаровательный городокъ пріютился среди угрюмыхъ финскихъ скалъ. Онъ улыбался имъ, мило кокетничалъ со своимъ свѣтлымъ озеромъ, свѣжею зеленою, и казалось, что холодныя и несимпатически настроенныя скалы иногда разглаживали свои глубокія морщины и отвѣчали ему, едва замѣтною, но ласковой улыбкой, одобрительно кивали ему своими мшистыми вершинами, какъ сѣдовласые старики одобряютъ рѣзвость прекраснаго и безпечнаго ребенка.

Этотъ городокъ больные люди называли „курортомъ“, но онъ игнорировалъ людскіе недуги и пѣлъ жизнерадостную пѣсню о молодости, весельѣ и любви.

А люди дѣлали свое унылое дѣло: среди гигантскихъ скалъ они понастроили разныя зданія съ ваннами, душами, гимнастическими приспособленіями, открыли курзалъ, ресторанъ и, убѣжавъ сюда отъ жизнерадостнаго городка, скучали и придумывали разные способы, чтобы отдѣлаться отъ преслѣдовавшей ихъ скуки. Съ самаго ранняго утра они начинали брать ванны, корчились подъ холодными душами, кряхтѣли подъ руками усердныхъ массажистовъ, потѣли отъ своей лечебной гимнастики и, продѣлавъ все это, шли въ курзалъ завтракать, обѣдать и ужинать.

И скука залѣзала въ ихъ бокалы съ виномъ, въ ихъ тарелки, отравляла изысканный десертъ и ехидно сопровождала ихъ повсюду, какъ самый преданный и опытный гидъ.

Я попалъ въ этотъ городокъ совершенно случайно, какъ разъ въ тотъ день, когда скучающіе курортные гости рѣшили при помощи концерта и танцевъ нанести скукѣ смертельный ударъ.

Въ городкѣ типографіи не было, а потому афиша была рукописная и въ соответствии съ этнографическимъ составомъ курортныхъ гостей объяснялась на трехъ языкахъ: на русскомъ, финскомъ и нѣмецкомъ.

Внимательно прочтя афишу, я понялъ, что исполнителями являются тѣ же дачники. Ихъ было всего-навсего трое, и программа оказалась болѣе чѣмъ однообразною: предательская скука умудрилась пристроиться и къ программѣ. Концертъ, какъ о томъ гласила афиша, былъ благотворительный и состоялъ изъ двухъ отдѣленій. (По оплошности легкомысленнаго переписчика слово „отдѣленіе“ было написано такъ: „отделъніе“.)

Каждое отдѣленіе имѣло четыре помера: скрипка, пѣніе, рояль, скрипка.

Я конечно поспѣшилъ запасти билетомъ, и когда бралъ его, то убѣдился, что очереди нѣтъ. Финка, продавшая мнѣ билетъ, сдѣлала попытку очаровательно улыбнуться и доказала, что дочери угрюмыхъ финскихъ скалъ этой милой способностью не обладаютъ. Получивъ деньги, она сказала: „Цпацѣба“, т. е., спасибо. Я очевидно сдѣлалъ починъ.

На билетѣ было изображено какое-то финское слово, и, сколько я ни бился, не могъ понять, что обозначаетъ оно. Я замѣтилъ, что на билетѣ не было никакого номера, и понялъ, что мое будущее мѣсто не номерное. Я постоялъ немного у „кассы“; кассирша грустно оглядывалась по сторонамъ, но никто не приходилъ.

До концерта оставалось еще часа два, и я рѣшилъ побродить по берегу очаровательнаго озера. Вездѣ сновали лодки, хотя погода была не совсѣмъ благоприятная: дулъ холодный вѣтеръ и въ озеро заглядывало облачное небо. Но это озеро манило, и я понялъ тѣхъ двухъ финновъ, которые съ лихорадочною поспѣшностью устанавливали парусъ на сверкавшей бѣлизною лодкѣ. На берегу стояли двѣ молоденькія финки и, весело смѣясь, торопили своихъ кавалеровъ, суетившихся въ лодкѣ.

Ахъ, какъ я завидовалъ имъ!.. Поплыть на парусѣ по этому чудному, почти безбрежному озеру, окаймленному зелеными берегами—что можетъ быть пріятнѣе такой прогулки! Если бы я умѣлъ говорить по-фински, я непременно попросилъ бы этихъ молодыхъ людей взять меня съ собою.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Казалось, ему не терпѣлось, какъ молоденькимъ финкамъ, стоявшимъ на берегу; казалось, ему страстно хотѣлось поиграть парусомъ, погнать лодку далеко-далеко, туда, гдѣ виднѣлись скалистыя горы... И странное дѣло: мною тоже овладѣло нетерпѣніе.

Но вотъ бѣлоснѣжный парусъ установленъ, онъ весь подрагиваетъ, точно его знобитъ... Барышни прыгаютъ въ лодку, ихъ молодой, звонкій смѣхъ весело раздается въ воздухъ, а кавалеры, въ послѣдній разъ осмотрѣвъ парусъ, садятся рядомъ со своими дамами, и лодка плавно несется по зыблящейся поверхности озера..

Все сильнѣе подрагиваетъ парусъ, все быстрѣе несется бѣлоснѣжная лодка.

И вдругъ парусъ начинаетъ наклоняться, точно кланяется какому-то знакомому, обрѣтающемуся подъ водою. Кавалеры хотѣтъ образумить его, а онъ продолжаетъ кланяться все усерд-

ибе и ниже. Вотъ онъ дѣлаетъ крутой поклонъ, лодка опрокидывается, и всѣ сидѣвшіе въ ней исчезаютъ подъ водою.

Сначала мнѣ показалось, что все это продѣлано было нарочно, для развлеченія барышень, но вскорѣ я услыхалъ крики. Хотя кричали по-фински, но я понималъ, что невольные водолазы, находя свое положеніе неудобнымъ, вызываютъ о помощи. Барышни ви́пились въ борты лодки. Одинъ кавалеръ пытался плавать, другой то погружался въ воду, то снова появлялся на поверхности.

Черезъ нѣсколько минутъ къ утопавшимъ помчались со всѣхъ сторонъ лодки, и ихъ благополучно извлекли изъ воды. Сбѣжавшіеся на это „интересное“ зрѣлище финны весело смѣялись. Спасенные кавалеры пустились бѣжать, оставляя позади себя дѣлыя лужи.

Было очень весело.

* * *

Такъ какъ мнѣ сказали, что финны очень аккуратны, то я поспѣшилъ на концертъ. Я очутился у вѣшалки, возлѣ которой не было и намека на „вѣшалщика“.

Молодая дѣвушка съ ослѣпительно-бѣлымъ чепчикомъ на головѣ и съ такимъ же бѣлоснѣжнымъ передникомъ на мой вопросъ, кому оставить пальто, улыбнулась, пожала худенькими плечиками и заговорила такъ быстро по-фински, что ее врядъ ли понялъ бы природный финнъ.

Увидѣвъ, что какой-то джентльмэнъ повѣсилъ пальто и ушелъ, я сдѣлалъ то же самое и ушелъ, почти увѣренный въ томъ, что мое новое пальто, за которое я заплатилъ въ Выборгѣ пятьдесятъ четыре марки, больше не увидитъ меня.

Концертный залъ оказался игрушечнымъ. Однако онъ освѣщался тремя электрическими люстрами.

При входѣ у меня никто билета не требовалъ, и я удивился наивности и довѣрчивости финскихъ контролеровъ. Вѣдь я могъ попасть „зайцемъ“. Увидѣвъ знакомаго русскаго, я подѣлился съ нимъ своими опасеніями относительно моего новаго пальто и мнѣніемъ о наивности финскихъ контролеровъ.

— Будьте совершенно благонадежны! Ваше пальто будетъ цѣло, и если вы забыли въ немъ бумажникъ, то могу васъ увѣрить, что и онъ окажется налицо... Что же касается отсутствія контроля, то бьюсь объ закладъ, что здѣсь не окажется ни одного „зайца“. Это вамъ — не Россія... Финляндцы великодушно помнятъ восьмую заповѣдь.

Я позавидовалъ памяти финляндцевъ и спросилъ знакомаго, куда мнѣ слѣдуетъ сѣсть.

— Отыщите мѣсто, не снабженное номеромъ, и сядьте...

А я не додумался до такого простого исхода.

Стала собираться публика — все больше юные бѣлокурые финны и финки. Они сидѣли почти неподвижно съ такими серьезными лицами, точно пришли на важное совѣщаніе.

На верхней галлерей сидѣлъ „оркестръ“, состоявшій изъ шести музыкантовъ, вооруженныхъ духовыми инструментами. Этотъ „оркестръ“ и долженъ былъ начать „концертъ“.

Я посмотрѣлъ на часы. Было двадцать пять минутъ девятаго, и ровно въ половинѣ девятаго заигралъ „оркестръ“. Самъ дирижеръ игралъ на трамбонѣ и только время отъ времени, не прерывая игры, умудрялся дирижировать при помощи указательнаго пальца. Музыканты работали не за страхъ, а за совѣсть, причемъ вовсе не соображались съ указательнымъ пальцемъ своего дирижера. Это было очень интересно и весело.

Когда они лихо сыграли финалъ, публика аплодировала имъ, и дирижеръ, перегнувшись черезъ перила и улыбаясь во весь ротъ, три раза кивнулъ бѣлокурою, коротко остриженной головою.

Но вотъ вышла піанистка. Она была очень толста, и стулъ, на который она усѣлась, оказался черезчуръ маленькимъ. Она поерзала на немъ, привстала, внимательно посмотрѣла на сидѣніе, пожала плечами, улыбнулась и, поклонившись серьезнымъ слушателямъ, провела короткими, толстыми пальцами по клавишамъ.

Возлѣ нея сидѣлъ юноша въ бѣлой блузѣ съ широкимъ поясомъ. Онъ долженъ былъ перелистывать ноты. Однако онъ внимательнѣе смотрѣлъ на какую-то барышню, сидѣвшую въ первомъ ряду, чѣмъ на ноты. И онъ таки прозѣвалъ. Піанистка вдругъ прекратила игру и сердито ткнула юношу въ бокъ. Онъ вздрогнулъ, перевернулъ страницу, но уронилъ на полъ ноты. А слушатели сидѣли такіе же серьезные, почти грустные, какъ до начала концерта.

Такъ какъ ноты освѣщались стеариновыми свѣчами, торчавшими въ подсвѣчникахъ, то приходилось снимать съ нихъ нагаръ. Эту работу исполнялъ тотъ же юноша, сидѣвшій рядомъ съ піанисткой. Одинъ разъ онъ, снимая нагаръ, обжегъ пальцы и такъ громко крикнулъ, что всѣ слушатели обратили на него свое благосклонное вниманіе.

Піанистка кончила, и слушатели аплодировали. Она отклонялась и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, снова усѣлась за рояль. Юноша зѣвнулъ и заразилъ піанистку. Она на мгновеніе оставила клавиши и приложила руку ко рту.

Опять аплодисменты, опять поклоны, и пианистка уходитъ въ гордомъ сознаніи исполненнаго долга.

Собственно говоря, по программѣ первую должна была фигурировать скрипка, но оказалось, что скрипачъ, торопясь на концертъ, забылъ канифоль, а потому стильность программы была нарушена и предъ публикой опять появилась... пианистка. (Надо замѣтить, что концертъ происходилъ не на эстрадѣ, а въ самомъ залѣ.) Она снова устала и, поерзавъ на стулѣ, стала пѣть.

Собственно говоря, это было не пѣніе, а какой-то вопль души. Но пѣвица очень старалась. Ей очевидно это давалось тяжело, ибо приходилось пѣть сидя и самой себя аккомпанировать. Два раза она пустила „пѣтушка“, раза три откашливалась во время пѣнія и, убѣдившись, что голосъ ей не повинуется, она, не говоря худого слова, перешла на какую-то мелодекламацию.

Она кончила, и серьезные слушатели аплодировали. Огня въ этихъ аплодисментахъ не было, но они были добросовѣстны.

Появился скрипачъ. Онъ былъ въ пиджакѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ. И его встрѣтили аплодисментами. Онъ улыбался и кланялся, какъ китайскій болванчикъ. Ему аккомпанировала пѣвица-пианистка.

Но, когда онъ первый разъ провелъ смычкомъ по струнамъ, послышался вой собаченки. Артистъ удивленно посмотрѣлъ на публику, взялъ скрипку подъ мышку и сталъ выжидать. Нѣсколько человекъ изъ публики стали искать собачку и нашли ее подъ однимъ изъ стульевъ. Ее съ позоромъ изгнали, и скрипачъ опять взялся за свой благородный инструментъ. Играя онъ отбивалъ тактъ ногой. Одинъ разъ онъ ошибся и началъ все снова.

Когда онъ, вдохновившись и раскачиваясь всеѣмъ тѣломъ, заигралъ что-то очень быстрое, лопнула вдругъ струна. Аккомпаниаторша взвизгнула, а скрипачъ выругался по-фински. Слушатели добросовѣстно аплодировали.

Хотя по программѣ полагалось еще пѣніе, но чья-то рука прошла карандашомъ по этому номеру, и концертъ благополучно закончился „оркестромъ“.

Послѣ „концерта“ нѣкоторые изъ слушателей подходили къ исполнителямъ и съ чувствомъ пожимали имъ руки. Исполнители улыбались, и по всему видно было, что они въ высшей степени польщены.

Черезъ нѣкоторое время залъ освободили отъ стульевъ, и начались танцы.

Молодые финны и финки танцовали съ тѣмъ же серьезнымъ выраженіемъ на лицахъ, съ какимъ они слушали „концертантовъ“.

Глядя на ихъ медленные движенія, я невольно припомнилъ „подыку“ въ „Жизни человѣка“. Я увѣренъ, что, если бы угрюмыя финскія скалы вдругъ ожили, то онѣ танцовали бы нѣсколько оживленнѣе. Со стороны казалось, что танцующіе исполняютъ какую-то очень серьезную обязанность.

Я подѣлился своими мыслями со своимъ знакомымъ.

— Они танцуютъ медленно, но экономно... Обратите вниманіе на продолжительность ихъ танца. Здѣсь барышня не переходитъ изъ рукъ въ руки, какъ у насъ. О, финны — основательный народъ!

Я направился къ вѣшалкѣ и воочию убѣдился, что финны отлично-таки помнятъ восьмую заповѣдь... Симпатичный народъ!

Изъ американскихъ нравовъ.

Владѣлецъ консервной фабрики въ Техасѣ, имѣвшій фабрику въ такой глуши, гдѣ почти не было женщинъ и желавшій найти подругу жизни, поступилъ такъ. Онъ написалъ три записки одного и того же содержанія, гласившія: „Охотно женюсь на молодой, красивой, стройной дамѣ, которая явится съ этой запиской въ мою контору, находящуюся тамъ-то“. Затѣмъ всѣ три записки были опущены въ банки съ консервами, причемъ одна банка была сунута въ партію, отправляемую въ Нью-Йоркъ, другая — въ Санъ-Франциско, третья — въ Новый Орлеанъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени въ контору явилась хорошенькая блондинка; она предъявила найденную въ консервной банкѣ записку и потребовала, чтобы фабрикантъ сдержалъ значащееся въ этой запискѣ формальное обѣщаніе. Такъ какъ блондинка очень понравилась фабриканту, то дѣло было быстро сдѣлано и день свадьбы назначенъ. Но незадолго до бракосочетанія явилась очень пикантная брюнетка; она тоже